

VIMBO ▶◀

Анна
Старобинец

Хроники пепельной Весны

магма
ведьм

18+

Анна Альфредовна Старобинец

Хроники пепельной весны. Магма ведьм

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73581343

Анна Старобинец. Хроники пепельной весны. Магма ведьм: Вимбо;

Москва; 2026

ISBN 978-5-00224-938-1

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЁН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В постапокалиптическом Новом Средневековье, где царит вечный холод и сумрак, небеса затянуты пеплом, а наука считается ересью, молодой инквизитор расследует дело о наведении порчи, отчаянно пытаясь увидеть реальность и истину там, где все видят морок и колдовство.

Новый роман Анны Старобинец – уникальная жанровая конструкция на стыке детектива, научной фантастики и фэнтези, позволяющая читателю заглянуть в пугающее темное прошлое, наставшее вместо светлого будущего.

Прошло 17 веков после глобальной ядерной катастрофы, которая почти стерла человечество с лица земли. Уцелевшие, утратив все научные и технические достижения старой жизни, вышли на новый круг. Изменился климат, изменилась религия, изменилась скорость и продолжительность жизни, изменились животные. Очень многое изменилось, только поведение людей неизменно, и Новое Средневековье до боли похоже на старое. В поселке Чистые Холмы свирепствует эпидемия, и жители убеждены, что это происки ведьмы – местной портнихи. Если сбросить ее в вулкан, жизнь сразу наладится.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

1	6
2	9
3	22
4	29
5	39
6	46
7	58
8	66
9	73
10	83
11	92
12	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анна Старобинец Хроники пепельной весны. Магма ведьм

© Анна Старобинец

© ООО «Вимбо»

1

Кай взял в руки уголек и попытался сосредоточиться. Младенцы орали – надсадно и непрерывно. Даже если один ненадолго смолкал, захлебнувшись собственным криком, вопли другого становились еще пронзительней, словно он пытался голосить сразу за двоих. Мать качала обоих на руках и тихо напевала какую-то заунывную песню, а может, просто скулила.

Кай нагнулся и нарисовал большой черный круг на каменном полу церкви. Снова сверился с книгой и прочертил угольком вертикальную линию, разделяя окружность на две равные половины. Он впервые проводил ритуал (все близнецы за время его службы в Кальдерской церкви рождались мертвыми и не нуждались в обряде), но чувствовал себя довольно уверенно: «Магма ведьм» была снабжена весьма подробной инструкцией, а также наглядными иллюстрациями.

Он взял в руки священный плод и поместил в центр круга. Плод был, конечно, не натуральный – примитивная реплика из обожженной глины с нарочно отколотым с одной стороны кусочком и торчащей из верхушки вязальной спицей, имитирующей плодоножку. Кай сам его изготовил и освятил.

– Положи их в круг, – повелел он женщине. – Одного на левую половину, другого на правую.

– Как мне знать, который из младенцев должен быть слева,

а какой справа? – Голос ее дрожал.

– Клади как хочешь, это не важно.

– Мне страшно, святой отец.

– Чего ты боишься, Марья, дочь Инги?

– Я боюсь, что положу малышей неправильно и Господь наш Джи из-за меня их перепутает.

Кай улыбнулся:

– Так не бывает. Господь никого не путает.

Женщина шмыгнула носом и положила орущих младенцев в круг.

После того как мать разместит новорожденных близнецов должным образом, служителю Церкви полагается вопросить об их истинной природе Того, Кто Знает Ответы на Все Вопросы. Вопросив, служитель должен взяться за плодоножку пальцами правой руки и придать священному плоду вращение, закрутив его со всей силой, какую даст ему на это благое дело Господь наш Джи. Тот младенец, к которому ближе окажется священная выемка плода, признается зачатым от сатанинского семени и лишенным души, ибо таков ответ Господа. Тот, к которому плод развернется целым и гладким боком, признается наделенным душой и зачатым от семени человеческого, ибо таков ответ Господа.

– О Господь, ответь: в ком дьяволово семя, а в ком человеческое? – перекрикивая вопли младенцев, спросил Кай, после чего взялся за спицу правой рукой и крутанул священный плод так сильно, как только мог.

Когда глиняное яблоко остановилось и Великий Джи указал на того, в ком проросло семя дьявола, диакон Кай позволил матери поцеловать дитя на прощание, хотя это было не принято.

2

– Сожгите все платья, которые она сшила. И все рубахи, белье... – епископ Сванур сухо закашлялся, – покрывала... скатерти... все... в костер!

– Вы это уже приказывали, владыка. Все сожжено, как вы и распорядились, три дня назад.

– Я помню, что я приказывал, Чен! По-твоему, я выжил из ума?!

Зря он повысил голос – от этого усилился кашель. Сотрясаясь в приступе, Сванур скрючился на постели. Тут же подроспела служанка Лея, приподняла его голову, сунула под подбородок медный немытый таз, но приступ в этот раз не перешел в рвоту. Больше нечем. Просто сухие спазмы. Эта тварь, эта бездушная нечисть высосала из него всю влагу, все жизненные соки до капли.

Епископ Сванур отодвинул от себя таз, откинулся на подушки и произнес еле слышно:

– Тело мое немощно, но разум кристально ясен.

– Конечно, владыка. – Староста Чен почтительно склонил голову.

– Ты лично убедился, что никто не приберег ничего из одежды?

– Я приказал обыскать все дома в Чистых Холмах, владыка. Действительно, две женщины тринадцати и пятнадцати

лет пытались спрятать свои наряды, но их замысел был раскрыт, а платья конфискованы и брошены в костер.

– Их наказали?

– Я вынес им строгое порицание.

– Только и всего? За сокрытие ведьминога тряпья их следует наказывать плеткой!

– Воля ваша, владыка. Плеткой так плеткой. – Староста покорно кивнул, но Свануру показалось, что в узких его глазах мелькнула тень осуждения.

– Ты со мной не согласен, Чен?

– Кто я такой, чтобы вам перечить, владыка Сванур.

Епископ оглядел сутулую фигуру Чена гноящимися глазами. Тот стоял, по своему обыкновению уставившись в пол. Идеальный староста. Когда Чен сомневался в решениях Сванура – а такое никогда не случалось безосновательно, – он не только оставлял сомнения при себе, но и избегал смотреть владыке в глаза, ибо сказано: не оскорби Хранителя Яблони ни словом, ни взглядом. Извлекать из старосты его ценное мнение приходилось с не меньшими усилиями, чем выщепить каплю чистой воды из глыбы черного льда. Постепенно для таких случаев у них сложился, можно сказать, ритуал.

– Ты всегда служил мне верой и правдой, Чен, – по традиции начал епископ, но от первой же ритуальной фразы почувствовал такую усталость, что сразу перешел к заключительной: – Возрази мне.

– Кто я такой, чтобы возражать епископу? – ответил ста-

роста, обращаясь к прикроватному коврику.

Вот упрямый косорылый самолюбивый гордец! Хочет весь обряд целиком...

– Ты служил мне верой и правдой, – сдался епископ. – Ты мой наместник в Чистых Холмах. Ты спокоен и рассудителен. Твоими стараниями моя церковь – самая красивая и величественная на всех островах. Я доверяю тебе как старосте и как другу. Говори со мной смело, ибо сказано Великим Джи, Который Знает Ответы на Все Вопросы: «Враг должен подчиняться беспрекословно, а другу позволяй возражать». Чен из рода Наездников, возрази мне.

Ради этой последней фразы Чену и нужен был ритуал. Ради этого фамильного титула, которым староста на самом деле не обладал. Он родился у безродной матери, а значит, сам был безроден. Его полное имя звучало как Чен, сын Софии; но, когда он родился, сходство его с косоглазым Ваном из рода Наездников, ныне уже покойным, было столь очевидным, что никто из жителей Чистых Холмов не сомневался, что Чен – от него. Да к тому же все знали, что именно Ван придумал ребенку имя – вполне характерное для Наездников. Жена Вана, как и большинство женщин из рода Ледяных Лордов – включая, собственно, и супругу епископа Юлфу, – страдала бесплодием. Кроме Чена косоглазых детишек в деревне не было. В общем, Чен, судя по всему, доводился Вану единственным сыном. И единственным продолжателем рода Наездников. По закону человеческого и божьего.

скому епископ был не вправе присвоить Чену родовой титул официально (безродный гражданин мог сделаться знатым, лишь выкупив себе титул у королевской семьи, но золота и дерева на это требовалось столько, что за всю историю Блаженных Островов таких случаев было не больше трех). Однако же Сванур мог – не часто, чтобы не входило в привычку, – просто слегка польстить старосте. Сделать человеку приятное.

– У меня возражение по поводу наказания плеткой, – покраснев от удовольствия, сказал Чен. – Обе женщины из знатных родов. Семьи будут возмущены. И к тому же здоровье обеих весьма пошатнулось из-за ведьминой порчи. Плетка их доконает.

Епископ Сванур поморщился:

– Как эти знатные дуры объяснили свое поведение?

– Обе сказали, что причина их проступка – неземная красота ткани. Им хотелось сберечь наряды небесновидного цвета.

Сванура замутило, и он прикрыл глаза, чтобы не видеть, как кружатся золотые стены и потолок. Неземная красота... Да, конечно. Даже он, глубокий тридцативосьмилетний старик из рода Хранителей Яблони, он, священнослужитель, автор трактата о порождениях зла, – даже он угодил в ловушку, впал в ересь и заблуждение, не учел, что *неземная красота* не обязательно исходит из рая, а может быть творением ада. Дьявол оказался коварен: через ведьму подсунул жи-

телям деревни небесновидные одеяния, словно сшитые из лоскутов облачения самого Господа. Гладкий шелк неземного цвета – цвета неба, которое смертные видят лишь в сновидениях. Даже он, епископ, сначала поверил, что ясные небеса его снов, пропитавшие ткань сорочки невозможной, не существующей в природе голубизной, – это божий дар, а не проклятие Сатаны. Даже он. Что уж говорить о молодых знатных дамах.

– Хорошо, без плетки. Но я на восемь недель отлучаю их от Золотой церкви. Пусть ходят в Церковь безродных. – Епископ покосился на служанку, сидевшую на коленях подле его кровати с тазиком наготове. – Туда же, куда и Лея.

– Да, владыка.

Епископ Сванур опять закашлялся – тоненько и трескуче, как будто внутри его хрустел и ломался лед, – и задал вопрос, на который заранее знал ответ. Знал по себе.

– Когда все небесновидные изделия сожгли на костре, стало ли людям в деревне лучше? Кто-нибудь из тех, кто хворал, пошел на поправку?

– Нет, владыка.

– Кому из жителей хуже всех?

– Вам, владыка.

– Прикажи обыскать все дома еще раз. Если порча не уходит, значит, что-то где-то осталось. Что-то еще не сожгли.

– Да, владыка. – Чен уставился в пол.

– Что опять не так?! Говори, Чен из рода Наездников.

– Вы правы, владыка. Что-то еще осталось. И все мы знаем, что именно. Я это знаю, и вы, и даже служанка Лея. Осталась собственно ведьма.

– Раз у меня даже служанка все знает, пусть она тогда скажет, как мне извести бездушную ведьму! – Сванур раздраженно уставился на Лею. – Ну? Что молчишь?

Лея замотала головой и спрятала лицо в вонючем тазу. Вряд ли она вникла в смысл сказанного. Просто поняла, что епископ на нее вдруг разгневался, причем за что-то, связанное с бездушными ведьмами. Значит, она провинилась и будет наказана.

– Вы ее напугали, – с легким укором произнес староста и погладил Лею по колючему затылку. Ее обрили наголо сегодня с утра, но волосы уже слегка отросли. Волосы у безродных женщин быстро растут.

– Что надо сделать, Лея? – ласково спросил Чен. – Что надо сделать с ведьмой, чтобы ты ее не боялась?

– Надо ее сжечь, – прошептала Лея.

– Видите, владыка. Безродные чувят зло – получше, чем дамы в небесновидных платьях. Велите казнить бездушную Анну – и все в деревне наладится.

– Ты знаешь, что сейчас я не в состоянии это сделать. Как только я стану лучше владеть рукой... как только я смогу удержать в ней священную иконку – я сразу вынесу приговор.

– Воля ваша, владыка, – согласился староста с ковриком

на полу.

– Ты снова со мной не согласен.

– Кто я такой, чтобы не соглашаться с епископом.

– Ты служил мне верой и правдой... – простонал епископ и содрогнулся в спазме. Служанка подставила тазик, и он изрыгнул в него скудную порцию желтой пены. Облегчения это не принесло. Лея поднесла к его губам Золотое яблоко, и Сванур к нему приложился, но это тоже не помогло.

Нужно было произнести ритуальные фразы для Чена. Говорить было трудно, но Сванур знал: Чен не выносил, когда нарушался привычный для него ход вещей. Потому он и был таким замечательным старостой. Потому у них в Чистых Холмах все эти годы царил идеальный порядок. Пока Анна не скормила дьяволу свою душу.

– ...Ты мой наместник... в Чистых... Холмах...

– Не надо, владыка. Я вижу, вам тяжело.

Староста Чен взглянул на онемевшие руки Сванура. Тот пытался поднести их к лицу, но руки не подчинялись: бесильно раскачивались и подергивались, как сухие ветки яблони на ветру.

Лея обмакнула тряпку в воду, смешанную с муравьей кислотой, чтобы протереть епископу рот и бороду, но тот отвернулся. В последние дни Сванур отказывался от умывания, исходя из того, что ведьма заразила холерой и без того не слишком чистую воду. В результате он выглядел неухоженным и запущенным, как какой-то безродный нищий, хо-

тя Лея честно о нем заботилась, а в опочивальне его стояла такая вонь, что даже жена епископа, Юлфа, перестала туда заходить.

– Я скажу все, что думаю, без церемоний. – Староста взглянул в глаза Свануру. – А вы уж не обижайтесь. Мне, владыка, больно смотреть, что она сотворила с вами. Умоляю, распорядитесь, чтобы ее казнили. Просто так, без всякой иконки. Как обычную воровку или убийцу. Все вас поймут, владыка.

– Бог меня не поймет! – тоскливо отозвался епископ. – Я же сам описал процедуру для случаев колдовства. Как гласит «Магма ведьм, уничтожающая... бездушную...» – Он закашлялся, не в силах произнести полное название собственного трактата.

Верный Чен договорил за него:

– «Магма ведьм, уничтожающая бездушную нечисть и греховные ереси подобно кипящему пламени». Да, я знаю, владыка. Там говорится, что церковнослужитель, стоя у алтаря, должен взять святую иконку в правую руку и темной стороной указать на ведьму. Тогда ведьма считается приговоренной к казни в огне.

– Видишь? Анну невозможно приговорить, пока рука мне не подчиняется, – отдышавшись, сказал епископ.

– Это заколдованный круг, владыка. Чтобы ее сожгли, вы должны вынести приговор. Чтобы вынести приговор, вы должны почувствовать себя лучше. Но пока вы не вынес-

ли приговор, ее не сожгут. А пока ее не сожгут, вам не станет лучше, владыка! Ведь вы ее главный враг! Вы – Хранитель Священной Яблони, за это она терзает вас больше, чем остальных! Вы свято чтите закон человеческий и божий, а бездушная этим пользуется! И мучает, и унижает вас изощренно!

Епископ кивнул. Да, большего унижения, чем на том заседании суда Инквизиции в Золотой церкви, он даже представить себе не мог. И все, все люди знатных родов были свидетелями его унижения... Епископ попробовал сжать руку в кулак. Полное бессилие. Слегка пошевелить указательным пальцем – вот максимум, на что он был способен с тех пор, как попытался вынести смертный приговор Анне. Он помнил ее глаза. Он смотрел ей прямо в глаза, сжимая в руке иконку у алтаря. Сначала в них был страх. Но когда он так и не смог развернуть иконку темной стороной к ней, когда его рука онемела и отнялась и он уронил священную реликвию на каменный пол и гладкая ее поверхность покрылась уродливой сеткой трещин, как будто сам Злой Брат исполосовал иконку дьявольским когтем, – тогда он увидел, как страх сменился в бездушных глазах насмешкой. Она улыбалась. Закованная в цепи, со спутанными отросшими патлами, в вонючей тюремной робе, ведьма насмеялась над ним, и пальцы ее кровоточили, а вокруг греховных сосков расплзались темные пятна...

Снова мучительно закружились стены опочивальни. Ко-

гда епископ совсем ослаб, он приказал их позолотить, чтобы они напоминали ему о любимой церкви, до которой он больше не мог дойти. Золотая опочивальня. Золотое яблоко. Золотая церковь. Только очень богатый человек мог позволить себе столько золота – но от ведьминых происков не спасает богатство, и лекари, сколько им ни плати, бессильны... Нужно будет распорядиться о всеобщем молебне, провожая глазами стены, подумал Сванур. Он как будто лежал в повозке, а запряженный в повозку мур раз за разом трогался, трогался, трогался с места... Нужно, чтобы все жители Чистых Холмов пришли в Золотую церковь помолиться о его здравии... Или лучше сразу за упокой?.. Интересно, в раю такое же пронзительно ясное небо, как и во сне, или все же небесновидный – это цвет ада?..

– Нам пора казнить эту тварь, владыка! – Голос Чена сбросил епископа с шаткой повозки дремы, и тот со стоном открыл глаза. – Я знаю, как это сделать, не нарушая законов божьих и человеческих.

– Говори, – одними губами шепнул Сванур.

– В вашем трактате сказано, что приговор ведьме может вынести не только епископ, но и другой церковно-служитель в сане не ниже игумена.

– Какие еще игумены, что за вздор? Похоже, ведьма лишает тебя рассудка, – с досадой простонал Сванур. – В Чистых Холмах нет служителей Церкви, кроме меня. Ты об этом прекрасно знаешь.

– Вы правы, владыка, – почтительно кивнул Чен. – Кроме вас здесь никого нет. Но мы можем призвать служителя Церкви с другого острова.

– Слухи уже распространились. Ни один игумен Блаженных Островов не согласится сюда приехать после того, что она сделала со мной в церкви. Никто не хочет лишиться рук.

– В Кальдере есть тот, кто согласится. – Узкие глаза старости Чена блеснули азартом.

– Нет, все-таки она помutilа твой разум, – вздохнул епископ. – В Кальдере поселок на тридцать человек. Там крошечная церковь и нет никакого игумена. Только диакон.

– Все верно, владыка. Вы призовете его, здесь произведете в игумены, и он приговорит ведьму. Он не упустит такого шанса.

– Шанса лишиться рук?

– Шанса получить повышение в сане, о котором до сей поры не смел и мечтать.

– Не смел мечтать... – задумчиво повторил Сванур. – Он порченный, этот диакон?

– Вы, как всегда, проницательны, владыка.

– Сколько ему лет?

– Семнадцать.

– М-да, староват для дьякона... Есть жена, дети?

– Нет, он один, владыка.

– Тем лучше, – возбужденно кивнул епископ. – Отправь в Кальдере гонца. Сегодня... Прямо сейчас!

– Сейчас уже темнеет, владыка...

– Делай, что сказано! Нет времени ждать! – Епископ закашлялся. – Жизнь уходит... На счету каждый час...

– Воля ваша.

Чен приложился к онемевшей руке епископа и покинул опочивальню. Служанка хотела выйти следом за ним, но Сванур остановил ее:

– Зажги свечи.

В последние дни он, точно ребенок, боялся оставаться без света. Во тьме ему казалось, что за пределами опочивальни нет больше ни роскошного дома, ни жены, ни слуг, ни деревни, ни церкви – а есть только ад, и этот ад надвигается, и сквозь золоченые стены просвечивает кипящая лава, выхлестывающая из пасти Пожирателя Душ.

Служанка зажгла три свечи.

– Юлфа сегодня ко мне зайдет?

– Она отдыхает, владыка. У нее был приступ мигрени.

Просила передать вам свое почтение.

– Какое же это почтение, когда жена не заходит к мужу! – Епископ хотел рассмеяться, но получилось только закашляться.

– Позвольте идти?

– Нет, постой.

Ни есть, ни пить епископу не хотелось, но больше всего не хотелось остаться в полутемной комнате одному. Поэтому он сказал:

– Покорми меня, Лея.

– Конечно, владыка.

Она опустилась перед ним на колени и обнажила грудь.

3

Мур перешел с привычной бодрой рыси на шаг. Чем ближе было море, тем медленнее он плелся и тем чаще оглядывался назад. Потом и вовсе остановился.

– Давай, Обсидиан, не ленись! – Кай пришпорил мура.

Тот неохотно сдвинулся с места, но через пару метров снова уперся. Кай сильнее вдавил шпоры в отверстия, проделанные в броне скакуна. Тот вздрогнул, но не двинулся с места. Считалось, что муры слушаются только кнута, а речь не воспринимают, но Кай не использовал кнут. Он верил, что мур понимает если не сами слова, то уж интонацию точно.

– Я знаю, Обси, ты хочешь обратно в стадо, – сказал он как можно ласковей и погладил черный блестящий круп. – Я обещаю, что мы вернемся. Но не сейчас. Сейчас надо ехать. Нельзя стоять на месте, оцепенеешь.

Обсидиан горестно опустил голову, как бы соглашаясь с неминуемостью такого исхода, и застыл. Кай вытащил из сумки сушеный гриб и предложил муру, но тот не разомкнул челюстей и не шелохнулся. Кай сам откусил кусок шляпки, остальное убрал. Наверное, он все-таки зря взял Обсидиана. Хотел как лучше – но если мур здесь оцепенеет, они просто погибнут оба. Пешком, без мура, он до пристани не дойдет, там ведь нужно перебраться через Ледяной Холм. Вернуться в деревню тоже вряд ли получится. Слишком далеко. Слиш-

КОМ ХОЛОДНО.

Наверное, нужно было согласиться с гонцом. Гонец, прибывший вчера из Чистых Холмов, настаивал, чтобы Кай ехал с ним – немедленно, прямо ночью, на епископском гнедом муре. Но Кай сказал, что поедет засветло и на своем. Мол, не хватало еще замерзнуть. Температура даже летними ночами опускалась ниже нуля, что уж говорить о зиме.

– Не примет твоего мура наше стадо, – сказал гонец.

– Примет. Я знаю способ.

На самом деле он вовсе не был уверен, что способ его сработает. Но оставить Обсидиана в Кальдере означало обречь его на верную смерть. Мур был с норовом и никому, кроме Кая, не подчинялся. Пока Кай им пользовался, все было нормально. Но уехать на несколько дней, просто закрыв его в стойле, было решительно невозможно. Потому что муры никогда не должны простаивать. Муры должны работать. Неизбежно в отсутствие Кая его передали бы другому наезднику. А любого другого наездника он бы сбросил. После этого путь один – скотобойня. Непокорных муров всегда забивали на мясо.

Все кальдерские муры принадлежали князю Аскуру из рода Ледяных Лордов. Князь даже не знал своих муров по номерам. Тем более не знал, что муру номер сорок четыре Кай дал имя Обсидиан. Считалось, что муры не заслуживают имен. На мурах можно ездить, воевать и строить тоннели. Их мясо и яйца едят, их кислотой промывают раны, из их

брони делают щиты, из их кокона плетут шелк. Но звать их по именам неприлично. Не принято. Да они и не отзываются.

– Пожалуйста, Обси. – Кай потрепал скакуна по тонкому сочленению между головой и переднегрудью. – Нам нужно двигаться дальше. Мы должны попасть в Чистые Холмы. Я знаю, ты никогда не уходил так далеко от стада, и все же, пожалуйста, сделай это ради меня.

Обвисшие усики мура затрепетали, и Кай протянул к ним руки. Очень медленно, преодолевая оцепенение, тот завел оба уса за голову и вложил в раскрытые ладони хозяина. Кай сжал руки – осторожно, чтобы согреть, но не повредить. Так они постояли с минуту, и Обсидиан обреченно побрел по направлению к морю.

* * *

Кай увидел их у подножия Ледяного Холма – гнедого мура, впавшего от холода в анабиоз, и замерзшего насмерть гонца. Там вообще лежало много покойников, но их было не видно под антрацитовыми сугробами. А епископского мура и его седока снег еще не успел замести. Полусогнутой окоченевшей рукой гонец сжимал примерзший к ладони кнут. Все же лучше иногда применять слова. И уж точно не следует путешествовать по ночам.

Нужно было помолиться об упокое души погибшего, но имени его Кай не помнил, поэтому вместо заупокойной про-

чел псалом о встрече живых и мертвых, он тоже годился к случаю:

– ...И во дни апокалипсиса сон человечества сбудется наяву, снег состарится и станет белесовиден, а купол мира небесовиден. И сойдет Господь в слепящем сиянии на Блаженные Острова, чтобы дать последний ответ, и живые станут мертвыми, ибо зададут последний вопрос, а мертвые поднимутся из могил, и целителен станет им синий яд небес. Да будет так во имя Великого Джи, аминь.

Одинокая снежинка упала на фасеточный глаз оцепеневшего гнедого мура, следом за ней – другая, и уже спустя пару секунд снег повалил густыми, темными хлопьями. Словно Тот, Кто Знает Ответы на Все Вопросы, устал смотреть на бесполезно вздернутый кнут и решил поскорей присыпать его ледяной небесной золой.

Кай подумал, что снегопады в последнее время как будто выцвели, потускнели. Раньше он запрокидывал голову и видел, как кружатся в воздухе блестящие черные хлопья, а сейчас снежинки почти сливались с невыразительным, блеклым небом. Может, правда настают последние времена и снег седеет от старости? Впрочем, вряд ли дело тут в апокалипсисе. Скорее в возрасте. Это в юности все кажется блестящим и ярким. А ему семнадцать. Юность уже закончилась.

По широкой дуге Обсидиан обошел оцепеневшего мура и мертвого всадника и приблизился к крутому, практически вертикальному склону. Было слышно, как рокочет и пульси-

рует море по ту сторону Ледяного Холма.

В основании холма, в проделанных топорами людей и жвалами муров выбоинах проглядывал дар Великого Джи – священный слой прозрачного льда. Этот лед можно было растопить как угодно, даже просто в ладонях, и испить, не выпаривая, и остаться живым и здоровым.

Мур поднялся на дыбы – Кай увидел, как раздулись и набухли липкой гемолимфой подушечки его передних и средних лап, – и всадил крючковатые когти в отвесную поверхность склона ровно в том месте, где кончался божественный чистый лед и начинался обычный. Черный, человеческий, нечистый.

...На вершине холма Кай осенил себя яблочным кругом, прижался к Обсидиану всем телом и закрыл глаза. Да, подъем на муре по вертикали тяжел и опасен – но выносим. А вот спуск настолько страшен для человека, что лучше его не видеть. Все равно повлиять уже ни на что нельзя. Пусть Господь все управит. Господь и мур. Под холмом, под темным саваном снега, с той стороны, откуда они пришли, погребены были те, кто замерз. С этой стороны – те, кто сорвался. Если Каю суждено было присоединиться к последним, он предпочел бы, чтобы это случилось во тьме.

– О Господь, да будет воля твоя, а не Злого Брата, да будет царствие твое...

Пока мур спускался, Кай пытался молиться, но постоянно сбивался с текста и ловил себя на том, что вместо молитвы

шепчет: «Обси, милый, не подведи».

Кай открыл глаза, только когда паромщик его окликнул. Мур топтался у пристани, уставившись фасеточными глазами на холодную воду и опасно протянув к ней усы. Он прежде не видел моря.

– Переправить на другой остров, святой отец?

– Да, на Чистые Холмы. Я сяду в лодку. Для мура – плот.

– Пло-от? Для этого? – Паромщик выглядел удивленным. – Зачем животное в чужой табун тащишь? Где ж тот гнедой, что с Чистых Холмов? На нем гонец вчера прибыл.

Кай молча покачал головой. Паромщик помрачнел, нарисовал в воздухе святой круг и пошел крепить к лодке плот.

* * *

Они плыли около двух часов. Кай и паромщик – в лодке, Мур сзади, с пристегнутыми к плоту конечностями. Он, впрочем, вел себя очень смиренно и даже дополнительно присосался к доскам всеми шестью ногами.

Паромщик пытался завязать разговор: то сетовал на частые снегопады, то рассказывал сплетни из жизни знати, то хвастался, что раздобыл древесину для новой лодки – почти целое бревно прибило волной прямо к берегу, что это, как не дар Великого Джи? Кай упорно молчал, но паромщик сдаваться не собирался: зачем-то перейдя на шепот, предложил раздобыть для «женушки» Кая новое платье, такое же, как

у самой королевы, и при этом совсем не дорого. Кай сказал, что «женушки» у него нет.

– Как так? Из знатного рода – а не взяли себе супругу? – изумился паромщик. – Супруга – она ведь только для вас, а для других неприкосновенна, не то что эти шалавы безродные!

Кай не ответил, и паромщик наконец смирился и замолчал.

Когда из тумана проступили очертания Чистых Холмов, Кай встал, подошел к корме и повернул по часовой стрелке рычаг, управлявший плотом. Плот заскрипел и вместе с привязанным муром перевернулся вверх дном.

– Прости меня, Обси.

Кай вдруг вспомнил университетскую лекцию, где им объяснили: если знать температуру морской воды, можно с точностью рассчитать, сколько времени понадобится живому существу, чтобы утонуть. Каждый градус – минута.

В обратную сторону закономерность тоже работала. Из того, сколько длилась агония мура, Кай сделал вывод, что температура воды была на полтора градуса выше нуля.

Когда доски перестали подрагивать, а с поверхности исчезли последние пузыри, Кай вернулся на свое место. Берег был уже близко.

Епископ Сванур был совсем слаб, и в церковь его доставили на носилках. Стоять он не мог, поэтому староста распорядился установить у алтаря золоченый стул. Чен лично вложил в бесчувственную ладонь епископа Священное яблоко и лично сжимал своими пальцами его пальцы, чтобы оно, не дай бог, не вывалилось. Согласно традиции, посвящаемый в сан должен был принять яблоко непосредственно «из руки епископа», в но в своде правил, по счастью, не говорилось, что епископ обязан эту руку сам протянуть. Поэтому кальдерскому диакону велели самостоятельно вынуть плод из бессильной руки – что тот и сделал, довольно бесцеремонно, после чего приложился к священному плоду без всякого, как показалось старосте Чену, благоговения.

– Благословляю тебя на служение в Святой Инквизиции, Кай из рода Пришедших по Воде, – прохрипел епископ Сванур. – Отныне ты игумен, и именовать тебя должно пастырем. Аминь.

– Благодарю, владыка, – отозвался Кай. Особой благодарности Чен в его голосе не заметил.

Вся церемония продлилась не больше пары минут, и новоиспеченный епископ выглядел даже как будто разочарованным. Священное яблоко он просто сунул в карман сутаны, и Чен пожалел, что выбрал для церемонии оловянное,

да еще и попросил иконописца Густава покрыть его позолотой. Такому неотесанному – даром что из знатного рода – и непочтительному служителю Церкви, принимающему высочайшее благодеяние как должное, достаточно было бы вручить простой глиняный плод.

Да что там плод. Даже роскошное убранство Золотой церкви – с оконными ставнями из натурального дерева, с сияющими, переливающимися стенами, – к огромному разочарованию Чена, не произвело на гостя особого впечатления.

Единственным, что его заинтересовало, была Священная яблоня в тяжелом горшке, по случаю церемонии принесенная из церковной оранжереи Тысячи Факелов. Их дерево божьим промыслом было действительно уникальным. Во-первых, оно достигло невиданного размера и доходило старосте Чену почти до пояса. Во-вторых, в этом году оно зацвело. Кай долго любовался растением, спрашивал, как его поливают, чем удобряют, сколько факелов используется для обогрева и освещения, был ли хоть один плод. Услышав, что дерево ни разу не плодоносило, Кай вдруг принялся ощупывать ветви, ствол и цветки с полуоблетевшими лепестками – без всякого трепета, как будто он был садовником, а не церковнослужителем.

Как отрадно, что он здесь ненадолго. Сделает дело и удалится.

Когда церемония завершилась и епископа унесли, Чен распорядился, чтобы в церковь привели Анну.

– Нижайше поздравляю вас с посвящением в сан игумена, пастырь Кай из рода Пришедших по Воде. – Староста протянул свежее испеченному игумену святую иконку. – Теперь вы вправе судить судом Инквизиции и приговаривать пособников дьявола к казни. Сейчас сюда введут ведьму...

– Давайте лучше завтра? Я спешу, меня ждет стремянный.

– Вам нужно будет развернуть иконку темной стороной к ведьме, только и всего, пастырь Кай. Это вас задержит не больше чем на минуту. Вот, собственно, и она!

Стражники как раз ввели Анну со связанными руками и колодками на ногах. Болячки на ее пальцах гноились. Она шла ссутулившись, и за спутанными волосами, с прошлого суда отросшими ниже плеч, не видно было лица. Чен заставил себя дышать ртом, чтобы не ощущать ее призывный колдовской запах и не поддаваться на ее чары.

Кай рассеянно мазнул по ней взглядом и с раздражением спросил старосту:

– Предлагаешь мне казнить неизвестную женщину без суда и следствия за минуту?

– Следствие и суд уже были. Епископ изобличил в ней ведьму. Остался лишь приговор.

– На чем основана уверенность, что она ведьма?

– Вы подв-гх-кх!.. – От возмущения, а может, от взгляда ведьмы, наблюдавшей за ним сквозь патлы, Чен поперхнулся словами. – Вы подвергаете сомнению выводы епископа Сванура, автора опуса «Магма ведьм»?! – Староста понизил го-

лос, чтобы не услышали ведьма и стражники. – Выводы человека, оказавшего вам такое благодеяние?!

– Какое «такое» благодеяние? – с вызовом переспросил этот наглец нарочито громко. Лицо его, однако же, покраснело, будто даже его собственной коже было стыдно за его дерзость.

– Епископ Сванур только что произвел вас в игумены. Такая честь крайне редко выпадает таким, как вы.

– Каким – «таким»?

– Не единоклеточным.

– Так в чем же благодеяние? – Кровь отхлынула от лица Кая, и веснушки на бледном фоне теперь казались темными, как снежинки. – Он сделал меня инквизитором, чтобы я помог ему казнить ведьму. Так введи меня в курс дела!

– Воля ваша, пастырь. – От обиды голос старосты дрогнул.

Какая неблагодарность. Разочарование Чена было тем горше, что ведь именно он придумал призвать и облагодетельствовать порченого диакона из Кальдеры.

* * *

Неслучайно еще вчера, сразу же по приезде, тот произвел на старосту впечатление человека, не обученного хорошим манерам. Это в лучшем случае, а в худшем – нарочно попирающего нормы приличий. Буквально с порога гость принялся вести себя вызывающе. Не высказав благодарности за

оказанную ему честь и даже не осведомившись о здоровье епископа, он сразу стал говорить о своем утопленном муре и категорически отверг великодушное предложение Чена выбрать любого другого из стада, а про утопленника забыть.

Затем он потребовал растопить огромную глыбу льда и выпарить из нее целый чан воды, чтобы он мог принять ванну, – ему, мол, необходимо «освежиться с дороги» и устранить запах пота. Обычные средства гигиены – надушенную тряпочку и ароматический тальк – кальдерец с ходу отверг: подавай ему просто воду. Да где это видано: мыться?! Да еще и «с дороги». Взбалмошная, нелепая прихоть! Сама королева принимала ванну два раза в жизни – в день бракосочетания с королем и в день его похорон.

– Разумно ли ради устранения запаха подвергать свою жизнь смертельному риску? – тактично осведомился у Кая староста, но тот ответил в том духе, что опасности в мытье нет.

«Что ж, хочет помереть от заразы, которая проникнет в него с водой через открытые поры кожи и гениталии, – на здоровье, – рассудил тогда староста и приказал набрать гостю чан. – До завтра в любом случае доживет. А значит, успеет пройти церемонию посвящения в сан, а после сделать то, зачем призван. Приговорить ведьму к казни».

К немалому удивлению старосты, здоровье Кая после ванны не пошатнулось, хотя он помыл даже голову. В мокром виде его волосы показались Чену почти обычными, но, про-

сохнув, снова стали рыжими, точно лава, – Чен впервые видел шевелюру такого цвета. Золотисто-бежевой россыпи мелких пятнышек на носу и щеках он тоже раньше ни у кого не встречал. Эти несмываемые пятнышки, насколько староста помнил из сказок матери, именовались веснушками – в честь мифического сезона, который назывался «весна» и который в древности якобы наступал между зимой и летом. Почему эти пятна, согласно языческому поверью, появлялись «весной», староста не знал. Но вот в том, что они действительно въелись в кожу диакона намертво и не смывались водой, сомнений не оставалось.

За обедом гость продолжил чудить. Когда служанка Лея предложила ему свежего молока, он отказался взять грудь, а попросил, чтобы ему подали сцеженное и прокипяченное, как простолюдину.

И это еще притом, что у Леи, как у всех женщин Чистых Холмов, был первый день течки, и терпкая завеса кроваво-слизистых испарений и похоти густо стелилась в воздухе. Сам староста Чен с утра уже дважды соблазнился и овладел Леей в перерывах между заполнением бухгалтерского гроссбуха, встречей с иконописцем, подготовкой к церемонии в церкви и прочими хлопотами. Кай между тем не проявил к служанке ни малейшего интереса – как будто ничего не почувял вовсе.

Когда же настало время отхода ко сну и Чен проводил диакона в опочивальню во флигеле епископского поместья, вру-

чил ночную вазу и пожелал хорошенько выспаться перед завтрашним посвящением, гость просто потряс его совершенно диким вопросом, где искать выгребную яму.

– Помилуйте, святой отец, зачем вам ее искать?! – изумился Чен. – Не ваша это забота. Служанка один раз в день опустошает все вазы в доме.

– Поэтому я и спрашиваю про яму, – густо покраснев, сказал Кай. – Я вынесу вазу сам, не дожидаясь прихода служанки.

– Вы не привыкли к слугам?

– Я не привык к вони.

Кай улыбнулся старосте Чену противоестественно целыми и чистыми зубами. Ни одного гнилого и выпавшего. Похоже, он даже рот промывал водой!

* * *

И вот теперь этот порченный стоял перед Ченом в его любимой Золотой церкви и на глазах у бездушной ведьмы нагло требовал доказательств, что она ведьма.

– Вывод епископа основан на том, что Анна, дочь Ольги, обладает неоспоримыми признаками бездушия. Эта женщина имеет нерасслаивающиеся, крепкие ногти и пятна дьяволовой гнили на коже. Ее раны заживают мгновенно, а старение, напротив, замедлено. От нее исходит особый запах. Она течет вне сезона. Будучи портнихой, эта ведьма навела холе-

ру и порчу на всю деревню посредством нарядов, окрашенных в несуществующий цвет. Она сама призналась в этом под пытками.

– Что значит «несуществующий» цвет?!

– Она использовала ткань цвета неба, которое мы видим только во сне.

– Небесовидная ткань? – заинтересовался игумен. – Можно посмотреть образец?

– Все изготовленные руками ведьмы изделия, естественно, сожжены! – с возмущением ответил староста Чен. – Я ввел вас в курс дела, пастырь. Теперь, ради Великого Джи, укажите на ведьму иконкой, которую я вам дал.

Игумен Кай повертел иконку. Поцеловал Священное яблоко, украшавшее светлую сторону. Пощупал пальцем трещины, избороздившие темную. Затем приблизился к ведьме, зажав иконку в правой руке. Он уже начал поворачивать ее правильной, темной стороной к ведьме, когда она откинула волосы и посмотрела ему в глаза. Пастырь Кай застыл.

«Сейчас он выронит иконку, – в панике подумал староста Чен. – Неужели тварь и этого лишит рук?!»

Кай не выронил иконку. Но и не повернул ее темной стороной. Убоялся? Или околдовала?

– Среди признаков бездушия ты упомянул внесезонную точку, – произнес он. – Я, однако же, ощущаю по запаху, что точка у нее прямо сейчас, как и у всех прочих женщин Чистых Холмов.

Вот про это Чен не подумал. Не предусмотрел. Не учел, что ведьма способна потечь по собственному желанию, а не по господней воле, когда угодно. Этот Кай вчера проигнорировал запах служанки Леи, но запах ведьмы – совсем другое. Если ведьма в течке, ее власть над мужчиной, особенно если тот неопытен и слаб духом, умножается многократно. Нужно было срочно повлиять на происходящее, пока она его совсем не околдовала.

– Внесезонную течку упомянул не я, а епископ, – твердо заявил Чен. – Вы считаете возможным не доверять епископу Свануру?

– Я слышал перечень доказательств ее бездушия от тебя, а не от епископа. Как бы ни было, обязанность инквизитора – подвергать любое высказывание сомнению, ибо дьявол искусен и может попутать даже благочестивого.

– Уверяю вас, пастырь, у нее это не первая течка за год. Совсем недавно была еще одна, вне сезона...

Чен поймал себя на том, что он как будто отчитывается, оправдывается. Перед этим самонадеянным выскочкой, которого он сам же и превратил в инквизитора. В голове зашумело.

Кай подошел к ведьме вплотную и осмотрел ее руки:

– Когда ей вырвали ногти?

– Около недели назад.

– Не похоже, чтобы раны мгновенно зажили. И я не вижу крепких ногтей. За неделю они вовсе не отросли.

– Она умеет залечивать свои раны. Просто сейчас не хочет.

– Отчего же не хочет? Гнойные раны на пальцах – это весьма болезненно.

– Эта тварь притворяется, пастырь.

– Может быть, и так. Не волнуйся, Чен, сын Софии, – голос пастыря донесся до старосты как будто сквозь волны, – я разберусь в этом деле в самое ближайшее время. Но сейчас я должен спешить. По пути занесу вашу яблоню в оранжерею. Ей вредно так долго стоять в нетопленном помещении.

Пастырь Кай положил на алтарь иконку, подхватил горшок и быстрым шагом вышел из церкви.

Обессиленный, Чен присел на позолоченный стул. Ведьма улыбнулась уголком запекшихся губ.

Оранжерея располагалась напротив здания церкви, на согреваемом подземным горячим источником участке земли. Кай вошел, поставил Священную яблоню на алтарь, сделал несколько коротких вдохов и выдохов, привыкая к запаху удобрений, и оглядел помещение. Лук, капуста, картофель, свекла, морковь, петрушка, горшки с бегонией, фикусы. Вереницы факелов, окна в пол и прозрачные вставки на потолке – здесь все было сделано по уму. Если хочешь что-то выращивать в вечном холоде, в вечных сумерках, то выцеживай из тусклых небес весь свет до последней капли, как ртуть из блеклой руды. И добавь к этой стылой ртути свет от огня. И пар горячих источников. И содержимое выгребной ямы.

– Тут действительно тысяча факелов? – спросил Кай.

– Да, пастырь. – Садовник поклонился то ли игумену, то ли яблоне и осенил себя святым кругом. – Спасибо, что принесли ее. Я тревожился, как бы она не простыла в церкви.

Садовник взял лейку и принялся поливать Священное дерево. У него были грязные руки с расслоившимися ногтями и безволосая бугристая голова с шелушащейся, растрескавшейся кожей на макушке, лбу и щеках. Постоянно ковыряющийся в земле, он сам напоминал корнеплод, остро нуждавшийся в поливе и удобрении.

– Как тебя зовут? – спросил Кай.

– Йон, сын Софии.

– Ты добился невероятных успехов, садовник Йон. Даже вырастил плодоносящую яблоню. Чем ты ее поливаешь?

– К сожалению, я недостоин вашей похвалы, пастырь. Эту яблоню я поливаю водой из растопленного священного льда. Но она, хоть и зацвела, плодов никогда не давала.

– А известно ли тебе, Йон, что за вранье священнослужителю полагается смертная казнь?

Лейка в руке садовника затряслась, и несколько капель священной влаги упали на пол.

– Да, пастырь. Клянусь Богом, я...

– Погоди клясться Богом, Йон, сын Софии, пожалей свою душу. Сатана сожрет ее, если ты врешь. А ты врешь, я знаю. Я изучал ботанику. На Священном дереве было яблоко. – Кай коснулся пальцем одной из веток. – Здесь остался обломок от плодоножки. Где плод, садовник?

Йон упал на колени, грохнув лейкой о каменный пол и расплескав священную воду.

– Пощадите, пастырь! – Садовник ткнулся шершавой лысиной в мокрое пятно на полу. – Простите меня, грешного! Не казните!

– Кто-то, кроме тебя, знает про яблоко? Чен? Епископ?

– Нет, пастырь.

– Вот и славно. Куда ты дел яблоко? Продал?

– Нет, клянусь!

– Опять клянешься?

– Да, клянусь Великим Джи, это правда! Я его не продавал!

– Что ж, тем лучше. Если хочешь избежать казни, отдай мне плод.

– У меня его нет.

– Где плод?!

– Я не знаю, пастырь! Это все ведьма! Я в тот день как раз собирался продемонстрировать плод епископу... Это был сюрприз, я боялся говорить про плод раньше, чем он созреет, чтобы не сглазить... Я вложил в это дерево столько труда и сил!.. Поливал и удобрял, молился, опылял цветки освященной кистью!.. Этот плод был для меня все равно что сын!.. А она все разрушила! Когда я увидел, что плод исчез, я решил вообще не признаваться, что он созрел!.. Тем более что епископ в тот день совсем слег, пришла только его жена. Я ничего не сказал ей. Я боялся, что меня прикажут казнить, раз я не уследил за Священным плодом...

– Расскажи подробно, как было дело.

– Это произошло две недели назад. Я украшал оранжерею к приходу епископа Сванура и его жены Юлфы. Собирался сообщить им благую весть – что у нас появился плод! На Блаженных Островах единственная плодоносящая яблоня – в королевской оранжерее, а теперь – и у нас! Ровно в полдень я услышал с улицы детский крик – такой звонкий, что он заглушал бой часов, – выглянул в окно и увидел женщину с младенцем. Я, естественно, пришел в изумление, ведь для

новорожденных не сезон. Всем известно, что течка у женщин Чистых Холмов бывает в конце зимы. В середине лета они рожают, и к следующей зиме дети уже подрастают и самостоятельно ходят. Беспомощных младенцев зимой просто не бывает! Но этого женщина несла, запеленатого, на руках. Она свернула к Золотой церкви, и я... совершил чудовищный грех.

– Что ты сделал, садовник Йон?

– Я захотел увидеть зимнего младенца поближе. Мне стало любопытно, кто его мать. Я выбежал во двор и не запер дверь. Оставил Священную яблоню в открытой оранжерее.

По-прежнему стоя на коленях, садовник зажмурился. В уголках его глаз набухли две мутные маленькие слезинки и медленно покатались по шершавым, растрескавшимся щекам – как будто он выжал из себя последние капли влаги.

– И что же? Ты разглядел их?

– Да, пастырь, – не открывая глаз, сказал Йон. – Младенец был действительно новорожденный. Совсем грудничок. А женщина... То была ведьма. Анна. Ее еще не арестовали, но все уже к тому шло. От церкви ее уже отлучили. Ей было запрещено приближаться даже к подземной Церкви безродных, не говоря уж о Золотой, но Анна все равно подошла.

– Что было дальше, Йон, сын Софии?

– Она приоткрыла дверь и, убедившись, что внутри пусто, вошла в церковь вместе с младенцем. Исчадия ада, они не боялись Бога! Я сразу вернулся в оранжерею – но яблока уже

не было. Она его забрала.

– Кто?

– Ведьма. Она выманила меня из оранжереи и похитила плод.

– Но ты же только что рассказал, что за ней последовал. И что ведьма на твоих глазах вошла в церковь. Как она могла в это же самое время похитить плод? Получается, это сделал кто-то другой?

Садовник открыл наконец глаза и уставился на Кая со смесью страха и удивления. Через несколько секунд удивление как будто впиталось в сухую, воспаленную конъюнктиву и остался один лишь страх.

– Вы испытываете меня, пастырь? Всем известно, что ведьма может находиться в двух местах сразу. Это сказано в «Магме ведьм».

Кай сделал глубокий вдох, наполняя легкие смрадом оранжереи. Потом медленно выпустил воздух, стараясь долгим и ровным выдохом задуть знакомый, непрошено вспыхнувший огонек раздражения. То было злобное, не приставшее игумену раздражение – не против садовника, а против себя самого, – которое Кай испытывал всякий раз, когда описанные в богословских трактатах сверхъестественные явления противоречили здравому смыслу или законам физики. Не то чтобы Кай не верил тому, что написано в «Магме ведьм». Просто некоторые пассажи он трактовал не буквально, а скорее как аллегорию, иносказание. Фраза «ведьма спо-

собна находиться в двух местах сразу» могла означать, что ее контроль над разумом замороженного необычайно силен. То есть образ ее отпечатан в сознании замороженного столь ярко и явственно, что, даже когда ведьма от него далеко, она все равно контролирует разум замороженного, словно стоит во плоти перед его внутренним взором.

Когда подобная трактовка сталкивалась с чьим-то наивным, неизвращенным доверием к Священному тексту, Кай чувствовал себя ущемленным, неполноценным. Как будто он опять был семилетним подростком, усомнившимся в том, что кто-то знает ответы на все вопросы, и слышал голос матери, причитавшей: «В тебе недостаточно веры, боженька от тебя отвернется». Как будто он опять был десятилетним студентом, с воодушевлением изучавшим естественные науки, а мать разочарованно говорила: «Ты читаешь книги еретиков. Ты отворачиваешься от боженьки». Как будто он опять был одиннадцатилетним выпускником университета, мучительно выбиравшим, кем быть: ученым или священником. Как будто он стал священником лишь для того, чтобы доказать и себе, и матери, что он не отвернулся от боженьки, а боженька – от него.

– Да, я тебя испытывал, Йон. Хорошо, что ты знаешь текст «Магмы ведьм». Так и быть, я дам тебе возможность избежать казни...

– Спасибо, пастырь, благослови вас Господь! – Садовник попытался поцеловать сапог Кая, но тот отдернул ногу.

– ...но для этого ты должен кое-что сделать.

– Что, пастырь? Я сделаю что угодно! Готов носить необработанную власяницу на голое тело! Поститься всю жизнь! Молиться денно и ночью!..

– Не надо поститься, молиться и носить власяницу, – устало ответил Кай. – Раз яблока нет, отдай мне все остальное.

– Не понял... что остальное, пастырь?

– Капусту, свеклу, морковь, картошку... Ты должен отдать мне свой урожай и никому об этом не говорить. Бегонию и фикусы можешь себе оставить.

– Но... пастырь... – Садовник вытаращил глаза с сеткой полопавшихся сосудов. – Как же я объясню старосте Чену, куда исчезли все овощи?!

– Мне все равно. – Кай пожал плечами. – Скажи, что ведьма украла.

– Но она же сидит в темнице! Это все знают!

– И что с того? Все знают, что она может находиться в двух местах сразу.

6

Когда Кай приблизился к загону, боевые муры заволновались и выстроились шеренгами в стойлах, угрожающе скалясь, клацая жвалами и всем своим видом показывая, что они намерены защищать родное стадо от чужака.

– Твоя одежда пахнет твоим муром, – сказал стремянный. – Боевые муры от этого с ума сходят. А рабочие-копатели сейчас вообще разнесут муравник к чертям. Мы ж рабочих наших специально натаскиваем, чтоб они, как учуют запах чужого стада, сразу же шли в атаку.

– Зачем рабочим идти в атаку? – удивился Кай.

– Ну а как еще их заставишь копать? – в свою очередь удивился стремянный. – Они ж только запахи понимают. Если нужно быстро прорыть траншею, допустим, в подземный грот, мы в том гроте чужими феромонами капнем, и рабочие тогда впадут в ярость и сразу же лаз проделают. У меня в муравнике любые феромоны имеются, от всех стад со всех островов.

– И кальдерские? – нахмурился Кай.

– Теперь и кальдерские, – ухмыльнулся стремянный. – Вчера нацедили... В общем, на, надень вот. – Он снял с себя и накинул на плечи Каю плащ, пропахший мурами Чистых Холмов.

Пастыря замутило. Они вошли в муравник, и та же вонь,

которой была пропитана ткань плаща, накрыла и стремянно-го, и Кая, и плащ тошнотворной плотной завесой. Кай вынул из мешка лист капусты, чуть размял его в пальцах и приложил к носу.

– Что, пастырь, воняет тебе наша животинка? – Стремянный кивнул на капустный лист, и в кустистой его бороде чуть приоткрылась кривая щель, обозначавшая, по-видимому, улыбку. В щели виднелись коричневые останки зубов, похожие на гнилые пеньки в зарослях сухого лишайника.

– Воняет, – согласился Кай.

Запах местных муравьев был совсем не такой, как у кальдерской породы. Кальдерские, в том числе его Обси, пахли раздавленной цитрусовой цедрой (в университетской оранжерее у них был плодоносящий грейпфрут, и Кай навсегда запомнил горько-пряный, но в то же время свежий, праздничный запах плодов и шкурок). Здешние пахли лежалым сыром, сделанным из молока больной женщины.

– Ничего. Принюхаешься, привыкнешь, – покровительственно утешил Кая стремянный. – Все привыкают.

И, словно самому стремянному в силу привычки концентрация вони казалась сейчас, наоборот, недостаточной, он сунул в приоткрывшуюся в мохнатой бороде щель самокрутку из ягеля и глубоко, с наслаждением вдохнул едкий, вонючий дым. Одна затяжка – и самокрутка стала вдвое короче.

Стремянного звали Виктор, он был безроден, но к Каю из рода Пришедших по Воде позволял себе обращаться на

«ты». Конечно же, это было чудовищной фамильярностью, но Кай не сделал ему замечание. От этого человека зависело сейчас слишком многое.

Боевые стены чуть успокоились, но усы их все равно тревожно подрагивали, когда Кай проходил вдоль стоек.

– Может, просто выберешь себе одного из этих? – Виктор широким жестом обвел загон.

Кожа рук его была изъедена кислотой.

– Это старые ожоги. – Стремянный перехватил взгляд Кая. – Наши стены не агрессивны. Все животные молодые, объезженные, здоровые. Бери любого.

– Нет.

– Ну, как знаешь. Тогда нам вниз.

Стремянный распахнул люк и направился по узкой винтовой лестнице в подземную часть муравника. Спускаясь следом за ним, Кай заметил, что привыкшие к верховой езде ноги Виктора выгибаются при ходьбе колесом, словно принимая форму невидимого седла. Стремянный был жилист, крепок и волосат. Растительность на лице мешала определить его возраст: он мог быть и хорошо сохранившимся тридцатипятилетним дедком, и вполне еще не старым двадцатилетним мужчиной с рано выпавшими зубами.

В подземной части муравника содержались личинки и куколки с рабочими мурами-няньками. В отдельном, особо отапливаемом гнезде – королева-матка со свежей кладкой.

Стремянный вывел из загона одну из рабочих няnek:

– Такая подойдет, пастырь?

Кай осмотрел пасть и зоб самки, прощупал оба желудка и кислотные железы на животе, потом молча открыл мешок и скормил ей полкочана капусты, пару свекольных клубней, несколько картофелин и морковок. Наевшись, муриха завалилась на бок и принялась вылизывать себе пузо, стимулируя выработку кислоты. Это было хорошо. Очень хорошо. Так еда у нее переварится быстрее и легче.

Пока муриха слизывала с живота кислоту, Кай смотрел, как три рабочие няньки панически мечутся по кукольному загону, пересчитывая и перекладывая туда-сюда коконы.

– Тупые они, – равнодушно сказал стремянный. – При них же сегодня забрали на шелкопрядильную фабрику десять коконов, а они уже и забыли. Теперь вот ищут. Тупицы.

– Ты разве не любишь муров, Виктор, сын Греты? Зачем же ты тогда стал стремянным?

– Так чё ж их любить? – удивился Виктор. – Бессмысленные животные. Но людям полезные. Людей любить надо. Работа моя – людям на пользу. А ты, что ль, любишь муров, а, пастырь?

– Своего люблю, – сказал Кай.

Виктор хмыкнул:

– Чего ж ты тогда его утопил?

– А ты знаешь другие способы ввести мура в чужое стадо?

– Нет, способов других нет. Но зачем ему стадо, если ты только на день приехал? Уж один-то день мы бы мура твоего

отдельно от всех подержали.

– Я предполагал, что могу задержаться, – ответил Кай. – А муры, как ты знаешь, дольше трех дней без стада не могут. Они социальные.

Дождавшись, когда сытая нянька перестанет вылизываться и встанет на все шесть ног, Кай взял ее под уздцы и, следуя за стремянным, повел в дальний конец коридора – туда, где в отдельном загоне на теплой подстилке неподвижно лежал Обсидиан.

Он больше не пах цитрусом, как все муры из его стада. Он вообще ничем не пах – если не считать едва уловимой нотки олеиновой кислоты. Масляный аромат смерти. Муры выделяют его, когда гибнут.

Единственный способ ввести мура в чужое стадо – утопить в ледяной воде. Мур впадает в глубокий анабиоз, выработка феромонов полностью прекращается, запах стада уничтожается, если остатки пахучего секрета остались в железах, они легко сcejиваются, после этого новый секрет уже не выделится. Дальше мура отогревают, выводят из анабиоза и обрабатывают феромонами местного стада. Чтобы стадо поверило, что он не чужак, а один из них. Чтобы сам он в это поверил.

Способ очень рискованный. Если мура передержать в ледяной воде, если мур ослаблен и истощен, если техника разморозки была неправильной, если что-то, что угодно, пошло не так, или просто Великий Джи не был милостив – мур мо-

жет и не проснуться.

Так случается.

Так случилось с Обсидианом. Скрюченным знаком вопроса он застыл между жизнью и смертью, и попытки его отогреть хоть и приводили пару раз к рефлекторным подергиваниям конечностей, из ледяного сонного междумирья вывести его не могли.

Оказавшись в одном загоне с чужаком, нянька встала на дыбы и прижала усики к голове. Исходивший от нее запах тухлого сыра усилился. Стремянный подхватил стоявший рядом с Обси пустой бидон, приблизился к испуганной мурихе, ловко повалил ее на пол и принялся выцеживать из протоков грудных и брюшных желез пахучую жижу.

Наполнив бидон, Виктор выплеснул содержимое на Обсидиана, растер по экзоскелету, снаружи и изнутри измазал приоткрытую пасть. Нянька сразу успокоилась, присмирела, сама подошла к неподвижному муру и принялась ощупывать его усиками.

– Тупые они, говорю же, – прокомментировал стремянный. – Вот только что она брыкалась от ужаса, а теперь уже верит, что они из одного стада. Сейчас кормить его будет. Большой – корми. Сплошные инстинкты и ноль мозгов. Как таких любить-то?

– А как нас любит Великий Джи? – внимательно наблюдая за мурихой, спросил Кай.

– Так мы ж не тупые, пастырь.

– Ну это кто как.

Рабочая нянька принялась отрыгивать в приоткрытую пасть Обсидиана переваренную жидкую кашу. Из-за свеклы жидкость была багровой, и казалось, что муриха кормит его собственной кровью.

– Свекла – хорошо, – произнес стремянный. – Там сахар. А вот картошка, морковь – никакого толку. Состояние у твоего мур тяжелое. Фрукты ему нужны. Особенно если б яблоко. В нем и витамины, и святое благословенье – сплошная польза.

Нянька закончила кормление и отошла.

– Яблока у меня нет, – с тоской отозвался Кай и погладил мур по неподвижной спине. – Ну же, проснись, мой мальчик.

Мур не пошевелился.

– Он у тебя, кстати, не мальчик, – с некоторым злорадством сообщил Виктор. – Рабочие мур – это недоразвитые самки.

– Мой мур – не рабочий. – Кай погладил Обси по голове. – Он самец.

– Не может быть! Тебя обманули, пастырь. Самец – он безмозглый и живет от силы пару недель с единственной целью – оплодотворить королеву и тут же сдохнуть.

– Меня не так легко обмануть, – сказал Кай.

Стремянный, недоверчиво сопя, взгляделся в брюшко Обсидиана и ошалело поднял глаза на Кая.

– Кастрирован, – кивнул тот. – А крылья сами отсохли.

– Кто с ним такое сделал?..

– Я сам.

– Зачем?!

– Ну, ты же сказал: самец живет две недели, оплодотворяет самку и умирает. А я хотел, чтобы Обси жил долго.

– У него что, имя было? – снова изумился стремянный.

– У него и сейчас есть имя. Обсидиан.

– Встречал я таких, как ты, пастырь. – Стремянный ухмыльнулся, и из зарослей бороды опять показались гнилые пеньки зубов.

– Каких – «таких»? – Кай почувствовал, что краснеет. Он слишком легко краснел и ненавидел за это свою чрезмерно тонкую кожу и горячую кровь.

– Любителей муров, – отозвался стремянный. – Ты думаешь, он «твой мальчик». У вас есть контакт. Он привязан лично к тебе. Он помнит твой запах. Именно тобой он объезжен... На самом деле он просто часть механизма. И привязан он только к матке. Перевести ее из стойла в другое место – и он тупо за ней последует. И никогда к тебе не вернется.

– Тем не менее он последовал за мной в Чистые Холмы, – сказал Кай. – Он ушел от своей матки.

– Потому что ты его бил. По доброй воле мур от стада своего не уходит.

Кай хотел было ответить, что не использует кнут, что Обсидиан поддался на уговоры, – но промолчал. Все рав-

но ему не переубедить этого пропахшего тухлым сыром и ягелем, обожженного муравской кислотой человека без возраста. Кай смотрел на своего полумертвого мура и вспоминал услышанную в детстве сказку – или, может быть, просто ересь. Что якобы муры когда-то в древности были крошечными, размером с человеческий ноготь, и у них даже не было легких. Вот бы Обси был сейчас маленьким, с ноготок. Вот бы взять его в ладонь и согреть...

– Может, если нет яблока, муру поможет теплое молоко? – спросил Кай.

– Я не знаю, как в Кальдере, а у нас тут в Чистых Холмах молока безродных женщин не хватает даже на безродных мужчин. – Стремянный недобро оскалил свои пеньки. – Вишь, все зубы рассыпались? Молоком человеческим мура кормить – это грех.

– Я испытывал тебя, Виктор, – устало ответил Кай. – Хорошо, что ты дал верный ответ. Я вернусь навестить Обси завтра и принесу ему еще свеклы.

– Значит, ты у нас задержишься, пастырь? – спросил стремянный. – Ведьму завтра, получается, не казнят?

– Получается, так. Мне потребуется время, чтобы вникнуть в ведьмины козни.

– Может быть, оно и к лучшему, что ее пока не казнят, – с явным облегчением отозвался стремянный.

Кай нахмурился:

– Ты думаешь, она невиновна?

– Нет, конечно, она виновна! – перепугался стремянный. – Эту ведьму необходимо казнить! Просто нужно принять все меры предосторожности, чтобы не вышло, как в прошлый раз, в день казни алхимика!

– Какого алхимика?

– Алхимика Альвара – колдуна, который делал волшебные зеркала.

– Что случилось в день его казни?

– Вместе с ним ушел на тот свет Хромой.

– Хромой?

– Палач. У него были ноги разной длины, вот его и звали Хромым. Он отрубил алхимику голову, но тот все равно утянул палача с собой.

– Утянул?

– Ну да. Забрал его с собой на тот свет. Сразу после казни Хромой исчез, и больше его не видели.

– А когда это было?

– Год тому назад.

– Может быть, он еще вернется?

– Нет, оттуда не возвращаются. Ты уж в этот раз, пожалуйста, пастырь, убереги палача.

– А чего ты так переживаешь за палача?

– Так ведь это я и есть. Это ж только мужчинам за колдовство отрубают голову, а женщин нужно сбросить в кипящую лаву, если есть активный вулкан. Кто поднимет ведьму над извергающимся вулканом? Крылатый мур. Ну а кто столкнет

ее с крылатого мура? Кто единственный в Чистых Холмах умеет им управлять? Конечно, стремянный. Получается, я – палач.

– Хорошо, – кивнул Кай. – В этот раз я уберегу палача.

* * *

– Будешь жить в епископском доме? – дымя самокруткой, спросил стремянный, когда они дошли до выхода из муравника.

– Да. Там славно.

Кай вернул стремянному плащ и пошагал прочь. Чуть помявшись, Виктор сплюнул окурок в снег, раздавил подошвой и потрусил за игуменом следом.

– А не страшно, пастырь, что она тебя заодно с епископом сживет со свету?

– Кто «она»? – не сбавляя шага, спросил игумен. – Ведьма Анна?

– Нет, не ведьма. – стремянный понизил голос, хотя рядом никого не было, кроме мурав. – Юлфа, епископская жена. Она давно в обиде на Сванура. Очень сильно к безродным бабам его всегда ревновала. И завидовала, что они от него рожают, а она все никак. Даже у ведьмы – до того, как она душу дьяволу продала, – от епископа был младенчик, хоть и уродец... Ну а Юлфа-то даже уродца ни разу не родила! Поговаривают, что епископ вообще к ней не прикасался. Я

уверен, Юлфа из мести Сванура отравляет. Я даже знаю чем.

Кай резко остановился:

– Тебе известно, какой она использует яд?

– Не яд, – прошептал стремянный на ухо Каю, и тот почувствовал исходящее из беззубого рта зловоние. – Она травит его небесновидными платьями. Она от них не избавилась.

– Ты уверен?

Виктор криво ухмыльнулся своей гнилой щелью:

– Юлфа богата, у нее было аж семь небесновидных ведьминых платьев – на каждый день недели. Она любила в них красоваться верхом на муре. Когда епископ приказал сжечь все сшитые ведьмой наряды, я лично объезжал дома знатных дам и грузил их небесновидные тряпки в телегу. От Юлфы я получил комок измятых, спутавшихся рукавами, замотанных узлом платьев. Наверняка она думала, что их никто не будет считать. Но я люблю порядок в вещах – даже если вещи придется сжечь. Поэтому я распутал все платья и аккуратно сложил. Их было пять, а не семь. Выходит, остальные два она по-прежнему хранит в доме. Поэтому епископу худо. Поэтому ему все хуже и хуже.

– А ты говорил про это епископу или старосте Чену?

– Зачем? Чтобы меня высекли плетками? – Стремянный закурил еще одну самокрутку. – Конечно, не говорил. Они бы мне не поверили. Что значит мое слово против слова дамы из рода Ледяных Лордов? Но ты уж поверь мне, пастырь. Не стоит тебе жить в доме епископа. Там нечисто.

Юлфа прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать от боли, и почувствовала вкус крови во рту. Как легко появляется кровь. Только не оттуда, откуда надо.

Повитуха Эльза все щупала ей живот грубыми, обветренными руками. Одной рукой снаружи, другой изнутри.

– Это не задержка. – Повитуха наконец извлекла из сухой промежности Юлфы сухую, шершавую пятерню. – Течки вообще не будет.

– В этот раз не будет? – уточнила зачем-то Юлфа, хотя уже знала ответ.

– Никогда не будет. Кончились твои течки.

– Может, это сбой из-за ведьминой порчи, и, когда ее казнят, мигрени мои закончатся, а течки вернуться?

– Не вернуться, – равнодушно ответила повитуха. – Это не из-за порчи, а из-за старости. Тебе уже тридцать лет. А ты что же, надеялась на детей? Я ж сто раз тебе говорила, что у тебя невынашивание, и деток точно не будет.

Юлфа молча поднялась, одернула платье и облизнула губу. Кровь уже не текла. Как быстро она останавливается.

Течек больше не будет.

Деток не будет.

Двадцать зим она в браке. Двадцать течек, каждую зиму. Сванур даже не всегда прикасался к ней в течные дни. А ко-

гда прикасался – неохотно и чуть ли не с отвращением, когда все-таки выполнял супружеский долг, – после течной крови и слизи проходили недели, а живот все не рос, и она понимала, что жизнь в ней снова не зародилась. Но она не была безнадежна. Юлфа точно знала, что дважды порошок из цетрарии плодовой, которую она принимала для повышения фертильности, все же срабатывал. Оба раза по завершении течки проходило семь чистых дней, а потом появлялась другая кровь. Со сгустками. Выкидыши. Оба раза это происходило, когда она засыпала, забыв вознести молитву. Это значит, Юлфа была способна зачать. Просто нужно было усердней молиться, чтобы плод нормально прижился.

Прошлогодня течка была очень скудной, но Юлфа не думала, что последней. За всю течную неделю Сванур так и не зашел к ней в опочивальню, и в свою ни разу не пригласил. Когда настали чистые дни, Юлфа твердо решила, что в следующий раз все будет иначе. Если муж не вожделеет ее, значит, ей ничего не останется, кроме как уподобиться безродной, бесстыдной девке и отдаться другому. Она выберет того, кто был ей опорой все эти годы. Доктора Магнуса. И повысит дозу цетрарии плодовой. И будет много молиться. В следующий раз она не упустит шанса.

Только следующий раз, как оказалось, не наступил... Ничего. Доктор Магнус что-то придумает. Он даст ей лекарство. Цикл восстановится.

В дверь избы вдруг панически, заполошно затарабанили

кулаками. Послышался девчачий визгливый голос:

– Эльза! Быстро! Пожалуйста! У нас ткачиха там помирает!

– Так зовите доктора, я при чем, – огрызнулась через дверь повитуха.

– А его в лазарете нет! Где его искать?!

– Ты не знаешь, где доктор Магнус? – спросила повитуха у Юлфы.

Конечно же Юлфа знала. Доктор Магнус из рода Хранителей Яблони, младший брат ее мужа, был сейчас ровно там, где ему полагалось быть. В ее доме, у постели умирающего епископа.

– Я понятия не имею, где доктор, – сказала Юлфа.

Магнус был слишком добр к ним. К этим наглым безродным. Совершенно избаловал их. Приучил, что можно в любой момент прийти к нему в лазарет. Иногда даже сам навещал больных в их нищих домах. Это вовсе не входило в его обязанности, он помогал безродным по доброте. А они ему буквально сели на шею...

Повитуха открыла дверь, и избу мгновенно наполнила стужа, пропахшая течной молодой девкой. Девке было лет девять. Запыхавшаяся, без верхней одежды, она замерла на пороге, а над ней вились вертлявые снежные хлопья, опускались на бритую голову и сползали на лоб и виски пепельно-серыми кляксами. Что случилось со снегом? Он ведь раньше был совсем черным...

– Ладно, что там с вашей ткачихой? – смягчилась Эльза.

– У нее идет кровь из кое-какого места!

– Ну так течка же у вас, чего вы как маленькие, – с облегчением ответила повитуха. – Овуляция называется! Слизь и кровь в такой период – нормально.

– У нее не так течет, как у всех! – пуча глаза, сообщила девка. – Очень много крови! Она сознание потеряла!

– Где она? – нахмурилась повитуха.

– Так на шелкопрядильной фабрике! Повалилась прямо на коконы! Все нити в крови измазала! Ты придешь?

– Хорошо. Беги обратно, а то замерзнешь. Я догоню...

Повитуха захлопнула дверь. Поплевала себе на ладони, обтерла их о подол. Покопалась в мензурках с толчеными грибами и травами, нашла кровоостанавливающее, накинула телогрейку.

– Ты чего стоишь-то? Иди домой. – Повитуха протянула Юлфе ее власяную накидку – дорогушую, из длинных, мягких волос, да еще и подбитую мурским шелком. – Иди и радуйся. Кто не рожает, тот живет дольше. Посмотри вон на меня.

Не прикоснувшись к накидке, Юлфа посмотрела в темное, морщинистое, похожее на шляпку сморщенного сушеного гриба лицо Эльзы. Повитуха была бездетной и очень древней старухой. Такой древней, что ей позволялось обращаться на «ты» к знатным дамам. Такой древней, что старше ее никого уже не осталось в Чистых Холмах. Такой древней,

что никто не знал точно, сколько ей лет, а сама она сбилась со счета: только помнила, что перевалило за пятьдесят.

Повитуха раздраженно тряхнула накидкой:

– Ну, бери! Одевайся.

– Я еще не уйду, – сказала Юлфа. – У меня к тебе есть вопросы.

– Так меня же ткачиха ждет!

– Она безродная. Подождет.

– Как скажешь, Юлфа из рода Ледяных Лордов.

Голос повитухи звучал смиренно, но Юлфе показалось, что в бесстрастных, утопающих в дряблых кожистых складках выцветших глазах Эльзы мелькнула тень осуждения.

Повитуха никогда ее не любила. Не желала добра. Не сопереживала. Она сразу списала Юлфу со счетов – двадцать лет назад, после первой бесплодной течки. «Ты из рода Ледяных Лордов, – сказала она тогда. – Женщины твоего рода разучились иметь детей». Никогда эта старуха не верила, что Господь подарит Юлфе дитя. Никогда, в отличие от доктора Магнуса, не пыталась помочь. Может быть, повитуха сама же Юлфу и сглазила. Может быть, она вообще была ведьмой – то-то живет так долго.

– Расскажи мне, Эльза, много ли у моего мужа детей от безродных женщин?

– Так почему же мне знать? – растерялась Эльза. – У младенцев на лбу не написано, кто их безродных матерей паялил.

– Может, внешнее сходство...

– Да я ж не приглядываюсь. Мне главное – живым ребенка принять. И чтоб мать не померла... Так, чтоб наверняка от епископа, это только Анна рожала. А чего ты тревожишься? Они ведь не выжили. Да и если б кто нормальный родился и выжил – ему же не досталось бы ничего. Безродным деткам наследство не полагается.

– Дело не в наследстве.

– А в чем же?

– Тебе не понять.

– Да куда уж мне, Юлфа из рода Ледяных Лордов. Я могу уже идти? Там ткачиха с кровотечением...

– Пусть течет, – спокойно сказала Юлфа. – Расскажи, как ведьма рожала от моего мужа.

– Так ведь... я уже рассказывала.

– Расскажи еще раз. Мне сейчас как никогда необходимо освежить это в памяти.

– Это было три лета тому назад. Епископ сам за мной прибежал, когда у Анны отошли воды. И остался при ней на родах, вместе со мной. Очень ждал своего ребеночка...

– Своего. – Юлфа хотела саркастически улыбнуться, но получилось только яростно скорчиться. – Это ж как его эта ведьма заморочила, что он верил, что ее выблядок – от него, а не от любого другого, с кем она в течку трахалась. Вот ведь тварь! Служителя Церкви околдовала!

– И ничего не околдовала! – вскинулась вдруг повитуха. – Она тогда еще не была ведьмой. Просто юная девушка! Она

не виновата, что безродные женщины не вправе отказывать знатым! Епископ что Анне велел, то она и делала.

– Ты почему защищаешь ведьму? – прищурилась Юлфа. – Может, ты тоже ведьма?

– Нет. Я тоже безродная.

– Осторожно, Эльза. Одно мое слово, и ты сваришься в лава.

– Как угодно, Юлфа, – безразлично откликнулась повитуха. – Я свое отжила. Давно уже жду, когда Господь меня приберет. Если лава – значит, лава. Устала я.

Юлфа снова взглянула в бесцветные глаза старухи. В них действительно не было страха. Только усталость.

– Я могу идти, госпожа?

– Нет, мы не закончили. Расскажи, как ведьма породила от моего мужа чудовище. Мне нравится слушать эту историю.

– Роды были первые и шли тяжело, головка не пролезала. Мне пришлось рассечь ей промежность. Показалась голова... А потом другая. Анна родила двухголовое существо с четырьмя руками и четырьмя ногами. Оно... было похоже на двух сросшихся грудью и животом мальчиков. Когда епископ Сванур увидел чудовище, он пришел в ярость. Он закричал: «Ты породила дитя от дьявола!» Он взял тот нож, которым я разрешила Анне промежность, и занес его над чудовищем. А Анна все повторяла: «Не надо, владыка, они твои, твои дети, позволь им жить!» – «Так ты считаешь, их двое? – воскликнул епископ. – Двое детей? Ну что ж, тогда я их разделю, и,

если они останутся живы, спрошу Великого Джи, который из них зачат от меня, а который – от сатаны!» И с этими словами епископ Сванур рассек чудовище надвое. Оно сразу погибло. Или они, если их все-таки было двое. Истекли кровью.

– Оно, оно, – злорадно подсказала Юлфа. – Доктор Магнус потом исследовал труп. Он рассказал мне, что у монстра было всего одно сердце. Она родила чудовище, потому что уже тогда была ведьмой!

Юлфа ждала, что повитуха ей возразит, но та промолчала.

– Что ж, мне пора. – Юлфа накинула на плечи накидку и распахнула дверь. Снежинки приятно защекотали разгоряченные щеки.

– Выздоровления епископу Свануру! – каркнула ей вслед повитуха. – Я молюсь, чтобы он поправился.

– А я – нет, – тихо сказала Юлфа и вышла в пепельный снег, изрыгаемый пепельным небом. – Я не молюсь об этом.

8

В начале было Древо, и Древо было у Бога, и Древо было Бог. Из собственной ветви Бог создал непорочную женщину и сказал ей: «Кормилица, полей эту землю своим молоком, и вырастет райский сад». Кормилица сделала, как ей было велено, и выросли плодоносящие апельсины, груши, и персики, и прочие фрукты, а на Божественном Древе распустился прекрасный белый цветок, и стало светло и тепло.

Тогда Бог сказал: «Вкушай от любого плода и поливай мой сад из своих груди в течение тысячи и одной ночи. Лишь только сухой росток, что пробился из трещины в северной части сада, никогда не смей поливать».

«А что случится, когда минет тысяча и одна ночь?» – спросила у Бога женщина.

«Тогда созреет мое дитя – Священное Яблоко, в котором заключена божественная душа. И имя ему будет Джи, и после тысяча первой ночи я дам тебе вкусить от него, и ты познаешь Добро и ответы на все вопросы».

Кормилица ела сладкие фрукты и поливала все деревья в саду, кроме сухого ростка. Росток же каждый раз умолял ее горестным шепотом: «Полей меня, добрая женщина! Помоги мне!» Но женщина выполняла повеление Господа.

Шли дни и шли ночи, и цветок на Божественном Древе превратился в крошечный плод. То было неспелое яблочко,

которое медленно вызревало и наливалось соком и цветом.

На тысячный день Священное Яблоко стало большим и сияющим.

«Твой плод уже созрел, – сказала Кормилица Господу. – Позволь мне его отведать и узнать ответы на все вопросы».

«Нет, срок еще не настал, – отозвался Бог. – Осталась последняя, тысяча первая ночь. Я дам тебе причаститься от плода завтра».

Когда наступила долгожданная ночь, Кормилица принялась поливать райский сад молоком из своих груди. «Спаси меня, умоляю! – прошептал ей сухой росток. – Пролей на меня хоть капельку молока, ведь его у тебя так много! Иначе это будет моя последняя ночь. Если ты не польеешь меня, я погибну!»

Кормилице стало жалко сухой росток: «Как это несправедливо, что все деревья уже тысячу ночей пьют мое молоко, и только он один страдает от жажды. Я дам ему всего каплю, только чтобы его спасти. Уверена, Бог меня за это простит. Я все еще не познала Добро, но тут и без плода познания ясно: помочь умирающему – это доброе дело». И женщина пролила на сухой росток каплю молока из своей груди.

Как только эта капля впиталась в землю, сухой росток зазеленел и начал расти. За считанные секунды он превратился в цветущую яблоню, и тут же цветы облетели, а на их месте возникли большие и сияющие спелые яблоки.

«Спасибо, что спасла меня! – промолвило дерево. – В благодарность за доброту я хочу тебя угостить. Попробуй мое яблочко наливное!» – и с этими словами оно протянуло к Кормилице ветку с самым красивым плодом.

«Оно так похоже на Священное Яблоко!» – удивилась женищина.

«Конечно! Все яблоки в этом саду от Бога. Прими мое угощение!»

И женищина приняла угощение. Яблоко было сияющее и красное, но то были багровые отцветы ада. Не зная об этом, она откусила от плода слева. Внутри, под сияющей шкуркой, мякоть яблока была черной и горькой. Но женищина никогда до сих пор не пробовала плод яблони, поэтому решила, что таким он и должен быть. Она проглотила кусок, и черный яблочный сок попал в ее молоко, и молоко ее почернело и стало злокачественным.

И этим молоком она полила весь сад и то Древо, которое было Богом. Как только злокачественные капли впитались в землю, Божественное Древо, на котором доселе зрело лишь одно яблоко, зацвело буйным цветом, и тут же лепестки почернели и облетели, а на месте цветов созрели плоды – огромные и тяжелые, покрытые пятнами скверны и гнили. От этих плодов почернели и стали ломаться ветки, но даже когда они падали наземь, на ветках продолжали с бешеной скоростью образовываться новые гнилые цветы и плоды.

К утру весь сад осыпался испорченными плодами, а черные лепестки, подхваченные ветром, заслонили небо и выпали на райский сад черным снегом. От порчи сгнили корни деревьев, стволы и ветви. Лишь только на Божественном Древе осталась последняя здоровая ветка, а на ней сияющее Священное Яблоко. Но порча с каждой секундой подползала к нему все ближе.

«О, что ты натворила, Кормилица! – крикнул Бог. – Ты нарушила мой запрет. Ты выкормила и взрастила моего Злого Брата, который есть Сатана. Ты отведала его плод, в коем нет души, и познала Зло. И этим Злом ты испортила райский сад. Злой Брат уничтожил все, что я создал, а теперь он хочет сожрать невинную душу, заключенную в моем плоде!»

«Прости меня, Господи! – заплакала женищина. – Я думала, что совершаю добро, а сама совершила зло! Тот плод был красив и сиял, он выглядел так же, как твое Священное Яблоко, и я не смогла отличить одно от другого!»

И сжалился Господь, и протянул ей здоровую ветку с сияющим плодом:

«Ты глупая женищина, познавшая бездушное Зло. Но я в своей милости позволяю тебе познать еще и Добро, наделенное чистой душой».

И женищина откусила от Священного Плода справа, и мякоть его была золотистой и сладкой.

«Я дал тебе причаститься Добра, – слабеющим голосом

сказал Бог. – Отныне ты сама начнешь плодоносить. Добро сильнее, чем Зло, поэтому всякий раз да созреет плод, наделенный душой. Однако сегодня твой Судный день. За то, что ты погубила меня и мой сад, тебя ждет возмездие: бездушный плод зла будет время от времени созревать вместе с плодом добра. А ты, не видящая разницы между Злом и Добром, никогда не сможешь их различить».

Сказав это, Бог сбросил последнюю здоровую ветку, к которой крепился Священный Плод. Ударившись оземь, ветка превратилась в мужчину, а плод он держал в руках.

«Я – Хранитель, – сказал мужчина. – Бог доверил мне плод, и этот плод есть все, что осталось от Господа, – Его единственное дитя и Его продолжение. И имя Господа нашего будет Джи, а это яблоко с выемкой – один из его божественных ликов. Великому Джи известны ответы на все вопросы, но тебе, о женищина, своей порчей погубившая райский сад, Он никогда не ответит. Лишь мне, Хранителю, Великий Джи будет отвечать в своей бесконечной милости. Лишь мне подскажет, как отличить от Добра бездушное Зло».

Хранитель пытался, но так и не смог воссоздать райский сад из-за наставших на земле вечных сумерек и холодов. Однако из косточек яблока, которые он назвал Семенами Судного дня, ему удалось взрастить Священную Яблоню и еще семь растений, а также несколько видов съедобных грибов.

Хранитель и Кормилица каждое лето производили на свет дитя, а если плод в утробе делился надвое и рождались близнецы, Великий Джи отвечал, в ком из них есть душа.

Вот так пошел людской род. Так на месте райского сада в отравленных порчей черных снегах поселились мы.

Мы знаем из дошедших до нас фрагментов Священных текстов, что Добро сильнее, чем Зло. Однако мы также знаем и то, что Зло коварно и хитроумно, а Злой Брат вечно ищет способ полакомиться нашей душой.

Зло может явиться не только в бездушном младенце-двойнике. Семя зла способно прорасти и во взрослом теле – чаще женском, ибо женщины куда охотней пускают его в себя, – и созреть, и заместить собой душу. Так появляются ведьмы.

Задача священнослужителя-инквизитора – отследить, найти и уничтожить семя зла вместе с ведьмой.

** Очень важно при осмотре предполагаемой ведьмы раздеть ее догола и тщательно осмотреть всю кожу на теле. Даже маленькие родимые пятна дьяволовой гнили подобны тем, что покрыли испорченные плоды на Священном Древе. Эти пятна – признак бездушия. Но особо пристальное внимание следует обратить на те пятна, что по форме напоминают плод, надкушенный слева. Ибо яблоко с выемкой не справа, а слева есть не что иное, как лик Злого Брата и символ дьявольский.*

** Следует посчитать количество сосков. У ведьмы их нередко бывает больше двух.*

** Если женщина, которая подозревается в ведьмовстве, дойная, пить ее молоко не следует, ибо ведьмино молоко ядовито и несет в себе порчу. От такого молока все живое гибнет.*

** Запах ведьмы отличается от запаха тела обычной богобоязненной женщины. Запах ведьмы – нечеловеческий.*

** В ходе пыток необходимо отслеживать, как скоро заживают у подозреваемой раны. Ведьмы склонны к быстрому заживлению.*

** Если были у подозреваемой роды, инквизитор обязан собрать информацию обо всех рожденных ею младенцах. Ведьмы склонны порождать уродов, недоразвитых и чудовищ, ибо сношаются с Сатаной.*

Трактат «Магма ведьм» за авторством епископа Сванура из рода Хранителей Яблони. Отрывок из главы «Манифестация Зла»

9

– Значит, ты породила чудовище три лета назад?

– Да, пастырь.

– Для чего ты, Анна, убеждала епископа, что чудовище было рождено от него?

– Я его не убеждала. Епископ сам это знал. Всю неделю, что у меня была течка, он держал меня взаперти. Хотел своего собственного ребенка. Кроме Сванура, ко мне в ту течку никто из мужчин ни разу не прикасался.

– А Злой Брат?

– Что – Злой Брат?..

– Злой Брат, он же Пожиратель Душ, он же Сатана, он же дьявол – в ту течку к тебе прикасался?

– Нет, пастырь.

– Значит, ты утверждаешь, что три лета назад зачала чудовище от епископа, а не от дьявола?

– Да, пастырь.

– Но чудовища ведь есть порождения дьявола, ты разве не знаешь, Анна?

– Знаю, пастырь.

– Как же ты объясняешь это противоречие?

– Мои дети не были чудовищем, пастырь. Это были два несчастных сросшихся мальчика.

– Сросшиеся мальчики – это и есть чудовище. – Кай от-

вернулся от Анны. – Ты согласна со мной, повитуха Эльза?

Повитуха тяжело прислонилась к увешанной пыточными инструментами бурой стене из вулканического туфа. Она страшно устала за этот день. Вот, казалось бы, кому повитуха нужна зимой, когда нет ни рождений, ни мертворождений, ни умерщвления бездушных младенцев, ни откачивания тех, кто рожден с душой, но не дышит? Но, однако же, в этот зимний день к ней сначала явилась Юлфа со своим климаксом, а потом пришлось бежать по сугробам на шелкопрядильную фабрику, причем совершенно зря, потому что швея ее не дождалась: умерла от потери крови. У девиц бывает по юности паталогически бурная течка; если б Эльза прибежала минут хотя бы на десять раньше, швею можно было бы попытаться спасти... А когда повитуха наконец вернулась домой и собиралась прилечь, ее вызвали в пыточную по приказанию инквизитора Кая. Как свидетельницу. Но этот статус мог легко измениться.

– Почему ты молчишь, свидетельница Эльза? Подтверждаешь ли ты, что сросшиеся младенцы – это чудовище?

Если свидетельница не говорит инквизитору ровно того, что он хочет услышать, то висящие на стене инструменты могут быть применены не только к ведьме, но и к свидетельнице. И тогда она станет пособницей ведьмы. Еще одной ведьмой.

Но она так устала. Она слишком стара и слишком устала, чтобы врать и бояться.

– Я не подтверждаю этого, пастырь.

Лицо Кая наливается кровью. Его огненные брови кажутся светлыми на этом багровом фоне. Что за имя чудное – Кай?.. Она слышала его в детстве, в какой-то сказке...

– Поясни свои слова, повитуха Эльза.

– Я встречала такое раньше. Я была тогда молода, а ты еще не родился, пастырь. Как-то летом я приняла у женщины мальчиков, сросшихся боками. Наш игумен был добрым человеком и дозволил им жить. Он решил, что раз они – одно целое, то и душа у них общая, а значит, ни один из них не бездушен. Эти братья дожили до семи лет, выступали в цирке, смешили народ и ни разу никому не сделали зла. А когда один из них заболел и умер, через час за ним последовал и второй. По ним плакала вся деревня.

Повитуха умолкла. Игумен тоже молчал. Кровь отхлынула от его лица, теперь он был бледен.

– Что ты сделаешь со мной за эти слова, пастырь Кай? – не стерпела Эльза.

Игумен неспешно подошел к стене, рассмотрел инструменты и снял с крюка железные острогубцы. Повитуха зажмурилась.

– Ты сказала мне правду и была готова за правду понести наказание. Я ценю таких свидетелей, Эльза.

Он прошел мимо повитухи и, сжимая в руке острогубцы, приблизился к Анне. Каждый шаг его отдавался эхом под туфовыми сводами пыточной.

– Пожалуйста, не надо, – заняла Анна. – Меня уже пытали. Я все признала. Я ведьма! У меня нет души! Я навела на всех порчу! Я переняла у алхимика рецепт изготовления порченной краски! Я брала кровь зверей, пришедших из ада!

Игумен Кай поднес острогубцы к ее рукам и перекусил веревку. Анна уставилась на багровые следы у себя на запястьях, потом на лежащую под ногами веревку. Повитуха настороженно наблюдала за Каем.

– Разденься, Анна, дочь Ольги, – скомандовал тот.

Анна скинула тюремную робу и осталась нагая. Ее тело было в синяках и кровоподтеках. Пыточная заполнилась вязким запахом течки. Кай провел рукой по ее груди и надавил на сосок; оттуда брызнуло молоко.

«Поддался... – подумала повитуха. – Ведьма в течке может полностью овладеть сознанием и волей мужчины».

– Что ты хочешь с ней сделать, пастырь? – осторожно спросила Эльза.

– Я хочу ее осмотреть и провести необходимые процедуры. Что еще я могу с ней сделать?!

«То, что делает всякий мужчина с голой женщиной в течке», – подумала повитуха, но вслух сказала другое:

– Епископ Сванур в таких случаях откладывает осмотр до окончания течки. Во избежание соблазна и искушения.

Игумен опять покраснел:

– Да какого черта меня обязательно должна соблазнять любая... – Он остановился на полуслове. – У нас с епископом

разные методы и подходы.

Игумен Кай принялся изучать тело ведьмы – как показалось Эльзе, действительно без всякого вожделения, скорее с таким выражением, будто выполнял работу довольно скучную, хоть и важную. Повитуха за всю свою жизнь – а жизнь ее была длинной – только трижды встречала мужчин, которые не реагировали на течку. Один ударился головой и после этого вообще потерял обоняние. Другому нравился лишь запах его жены, а остальные течные женщины почему-то не возбуждали. Третьим был алхимик Альвар – ведьмак, которого год назад казнили. Он утверждал, что человек сильнее своих инстинктов, а разум сильнее плоти. И что Великий Джи – сын не божий, а человеческий. Он много чего утверждал, этот еретик, даже что Священные тексты служители Церкви трактуют неверно и Бог под плодами Добра и Зла вовсе не подразумевал близнецов...

* * *

У Анны на спине имелось родимое «пятно гнили», причем довольно крупное; Кай внимательно осмотрел его и ощупал. Дьяволы родимые пятна – признаки бездушия, метки зла. У повитухи тоже такие были, и в молодости она их сдирала, чтобы никто не видел, а в старости их вылезало все больше, но раздеваться ни перед кем старухам, по счастью, не надо, поэтому она спокойно скрывала их под одеждой. И

ведьмой себя не считала. У многих женщин есть пятна гнили, и далеко не все эти женщины – ведьмы. Вот если пятно в форме черного яблока с выемкой слева – тогда конечно. Или если женщина свою гниль отодрала или скovyрнула, а гниль от этого не ушла, а только окрепла, распухла, обернулась кровоточащей язвой – тут всем понятно, что это пятно злокачественное, то есть от Злого Брата. А если на коже просто темная точка, или кружочек, или круглый нарост – это еще ничего не значит. Так полагала Эльза, но вслух никому об этом не говорила, чтобы ее не сочли еретичкой. Зря Анна не содрала свою гниль. Возможно, она про свое пятно и вовсе не знала, не видела – оно ведь у нее на спине...

– Сцеди у обвиняемой молоко, повитуха. – Игумен протянул Эльзе ковшик.

– Зачем? – изумилась та.

– Для анализов.

Повитуха подошла к Анне. Ее много дней не доили, и обе груди были красные, отечные и тугие. Эльза осторожно размяла их, подставила ковш и принялась сцеживать.

– ...Ты мне сказала, Анна, что епископ Сванур рассек твое чудовище надвое, – под мерное треньканье молока о жестяное дно ковша произнес Кай.

– Да, пастырь.

– Но ты считала свое чудовище двумя несчастными мальчиками, не так ли?

– Так, пастырь.

– За то, что епископ убил твоих мальчиков, ты его возненавидела, Анна?

Ведьма молчала.

– Поэтому от твоей порчи епископ страдает сильнее всех? Анна опустила глаза и, глядя, как последние струйки ее порченного молока льются в ковш, сказала:

– Необязательно быть ведьмой, чтобы его ненавидеть. Его ненавидит даже собственная жена.

– Где ты похоронила младенца, Анна, дочь Ольги?

– Мне было приказано похоронить обоих... обе половины чудовища... на Кладбище бездушных. Так я и выполнила.

– А я не про чудовище. Я про младенца, рожденного в несезон.

– Не знаю никакого младенца, – по-прежнему глядя в ковш, ответила Анна.

– Садовник Йон заметил тебя с младенцем на руках две недели назад, как раз перед самым твоим арестом. Он рассказал, что ты заходила с новорожденным в церковь. С тех пор младенца никто не видел в Чистых Холмах: по-видимому, ты его извела.

– Три года назад я родила сросшихся мальчиков. Потом их похоронила, а меня раздоили. Детей у меня больше не было, пастырь, – едва слышно сказала Анна.

Кай кивнул, как будто и ждал такого ответа, отвернулся к стене и, разглядывая орудия пыток, сухо сказал:

– Ляг на пол и раздвинь ноги.

Анна легла на холодные камни и, стуча зубами, заголосила:

– Я признаюсь! Только не надо меня пытаться! Я скажу, я признаюсь! Не надо раскаленные клещи! Не надо утробный кол! Да, я родила младенца! Зимой! А потом его извела! Что сказать? Что еще сказать?!

– Ничего мне больше не говори, – продолжая стоять к ней спиной, отозвался Кай. – А вот ты, повитуха, осмотри ее и скажи, были ли у этой женщины роды в последний год. Ты ведь можешь это определить?

– Могу, пастырь.

Эльза поставила ковш на каменный пол, осенила себя яблочным кругом, опустилась на колени перед ведьмой и ее осмотрела.

– Эта женщина не рожала в последний год.

Кай повернулся к ним. Он молчал. Просто смотрел повитухе в глаза и молчал. Она тоже смотрела на него снизу вверх, стоя на коленях, не смея ни моргнуть, ни отвести взгляда. Глаза ее слезились. Не от страха и не от тоски, а просто от старости. Она вдруг вспомнила, что в той сказке, которую она слышала в детстве, Кай сначала был человеком, а потом превратился в чудовище с ледяным сердцем. Не отпустит. Конечно, он ее не отпустит. Из этого подвала она теперь если куда и выйдет, то только на казнь – вместе с ведьмой. Но если ее не будут пытаться, то это даже и хорошо. Ей давно уже пора встретиться с Господом.

– Встань с колен, повитуха, – сказал наконец игумен.

Эльза тяжело поднялась. Кости ныли.

– И ты, Анна, встань и оденься.

Анна подчинилась. Надев тюремную робу, она протянула игумену руки, чтобы тот их снова связал. Кай наклонился, но веревку с пола не поднял. Вместо этого взял ковш с молоком.

– Не вижу смысла держать тебя в камере связанной. Если ты ведьма, то порвешь любые оковы. Если не ведьма – не причинишь никому вреда.

– А мне тоже не свяжут руки, прежде чем отвести в камеру? – с надеждой спросила Эльза. Руки и ноги в последнее время у нее отекали. Веревки затруднят отток жидкости еще больше.

– Зачем тебе в камеру? – удивился игумен. – Ты вернешься к себе домой. Только прежде скажи мне: когда шестнадцать лет назад родилась эта женщина, Анна, обвиняемая ныне в колдовстве и бездушии, не ты ли принимала роды у ее матери, Ольги?

– Я, пастырь.

– Была ли Анна единоклеточной – или родилась вместе с нею сестра-близнец?

– Я приняла у Ольги двойню, пастырь. Вместе с Анной вышла из чрева ее сестра, и Священное яблоко указало на нее как на бездушную копию.

– Что случилось дальше с бездушной младенницей? Не могло ли так выйти, что она осталась в живых и теперь яв-

ляется в Чистые Холмы и творит злодеяния безнаказанно, пользуясь сходством с Анной?

– Что ты, пастырь! Она была уничтожена и похоронена по всем правилам на Кладбище бездушных.

– А есть ли тому свидетели?

Повитуха обтерла тыльной стороной ладони слезящиеся глаза. Когда живешь на свете так долго, становишься свидетелем многому. И носишь бремя воспоминаний. Даже теперь, когда миновало шестнадцать лет, она помнила – хотя предпочла бы забыть, – как бездушную младеницу, сестру Анны, лишили жизни. И как мать их, Ольга, потерявшая от горя рассудок, впервые спела над свежей могилой свою жуткую колыбельную.

– Я – свидетель тому, – произнесла повитуха.

– А кроме тебя?

– Еще Ольга, мать Анны и бездушной младеницы. Но она ничего не скажет.

– Почему?

– С того дня она только поет.

Епископ Сванур наконец согласился принять микстуру и задремал, уткнувшись заострившимся лицом в цветущую яблоню, вышитую на наволочке. Подушка была сплошь покрыта пятнами и разводами, и светлые когда-то цветки из мурского шелка казались гнилыми и бурыми, как будто порча добралась и до вышивки.

Доктор Магнус притворил дверь в спальню старшего брата и пошагал через анфилады комнат и коридоров. Дом Сванура был самым роскошным в Чистых Холмах. Как говорится, полная чаша. Досталась епископу эта «чаша», а также земли, деньги и муры двадцать зим тому назад в качестве приданого – вместе с женой из богатого, но бесплодного рода Ледяных Лордов.

Магнус остановился перед зеркалом в золоченой дубовой раме и пригладил редкие волосы. Ему нравилось смотреться в зеркала в доме брата. Из-за эпидемии, насланной ведьмой, доктор исхудал, побледнел и от этого казался еще неприметней и ниже ростом – в любых зеркалах, но не в этих. Эти ему неизменно льстили. Омолаживали, делали цвет лица здоровей, а фигуру как будто стройней и выше. Какая-то магия была добавлена в амальгаму...

Если золото и даже дерево могли позволить себе в интерьере и другие знатные граждане, то такие вот зеркала в

человеческий рост – и не из обсидиана, а из настоящего, прозрачайшего стекла, покрытого пленкой из заговоренной ртути и драгоценных металлов, – такие зеркала имелись только в поместье епископа. Каждое из них стоило целое состояние. Особенно теперь, когда секрет их изготовления умер вместе с алхимиком, их создавшим.

Алхимик порчу не наводил, однако высказывал еретические бесовские мысли, нашептанные Злым Братом, – за что и был казнен посредством отсечения головы. В отличие от ведьминых небесновидных нарядов, прекрасные зеркала, изготовленные алхимиком, вреда никакого не причиняли. Поэтому от алхимика избавились, а от драгоценных его зеркал – нет; Свануру, как всегда, повезло. Ему с самого детства везло куда больше, чем Магнусу.

Сванур в юности был высок и хорош собой, с одухотворенным лицом, с просветленным взглядом. И именно его, равнодушного и глядящего мимо, а вовсе не посвящавшего ей стихи коротышку Магнуса выбрала в мужа Юлфа, когда они оба попросили ее руки. Жена отдает супругу всю себя, все свое. И Свануру, а не Магнусу достались ее деньги, ее земля, ее дом, постельное белье с ее вышивкой и бремя ее надежд – как оказалось, несбыточных. У Сванура всегда были деньги, женщины, власть. У Магнуса – изъеденные язвami тела пациентов; одна из исцеленных им женщин – на голову выше его, вся покрытая оспинами, из знатного рода, но без гроша за душой – из благодарности вышла за него замуж,

а позже умерла в родах, оставив его одного с ребенком. Никто за пределами Чистых Холмов не знал никакого доктора Магнуса – а имя написавшего «Магму ведъм» епископа Сванура гремело над Блаженными Островами.

И все же везение Сванура оказалось не вечным. Теперь он угасал – мучительно, в одиночестве, и ему не помогали ни Бог, ни жена, ни золото. А Магнус, хоть здоровье его и было подорвано порчей, умирать пока что не собирался. У него имелись совершенно другие планы.

Юлфа из рода Ледяных Лордов ждала доктора в обеденной зале. Когда Магнус вошел, служанка Лея как раз подавала на стол грибной пирог из лишайниковой муки.

– Убирайся, нарочно воняешь тут! – шикнула на нее Юлфа.

Лея быстро разрезала пирог и исчезла на кухне. Вместе с ней исчез женский запах соблазна.

Юлфа больше не пахла женщиной. Только ароматической пудрой и подступающей старостью.

– Как там Сванур? – спросила она.

– Он жаловался, что ты к нему совсем не заходишь.

– Когда я хотела входить к нему, Сванур меня не звал. А теперь, когда он немощен, я ему наконец понадобилась?

– Будь, пожалуйста, милосердна. Знаешь, мне и как врачу, и как брату невыносимо смотреть на его страдания. Иногда я думаю: быстрее бы уже отмучился.

– Иногда я думаю: он получает, что заслужил, – ровным

голосом произнесла Юлфа.

– Это грех, так думать – и как ты, и как я! Медицина бессильна, но мы должны молиться и верить в лучшее. Все в руках божьих.

– Не только в божьих, – сказала Юлфа. – Я сделала кое-что.

Доктор откусил большой кусок пирога и принялся тщательно пережевывать. Пищу следует проглатывать измельченной. Это залог здоровья.

– Очень вкусная грибная начинка, – произнес Магнус.

– Ты всегда был рядом, – сказала Юлфа. – А я тебя не ценила. Ты пытался лечить меня от бесплодия...

– Прости, что я не помог. – Магнус погладил ее по руке.

– Ты помог. Ты поддерживал меня, когда Свануру было плевать. Он женился на мне только ради приданого. Мне надо было выходить за тебя. Если он умрет, я останусь одна...

– Ты должна верить в лучшее, Юлфа!

– Это я и пытаюсь делать. Ты – вдовец. Если я овдовею, ты возьмешь меня в жены, Магнус из рода Хранителей Яблони?

Доктор Магнус молчал. Когда они были юны, он действительно был влюблен не только в ее деньги, но и в нее саму. Но теперь, оплывшая и сухая, как затушенная свеча на морозе, – зачем ему эта женщина? Он молчал – дольше, чем она ожидала. Дольше, чем молчат, когда любят. Столько, сколько молчат из жалости.

Он молчал, а она, наоборот, говорила лишнее:

– Ты возьмешь за мной этот дом... зеркала... и еще муравник...

– Как я понимаю, в случае смерти брата доктор Магнус и так унаследует все имущество, – послышался вдруг голос у них за спиной.

Магнус резко обернулся и увидел, как новоиспеченный игумен – этот выскочка с пятнистым лицом и волосами такого цвета, какой бывает не у людей, а у Огненных муров, – преспокойненько пересекает столовую и направляется к их столу. Как будто у себя дома.

– Возмутительное и абсурдное утверждение, пастырь! – Голос Юлфы противно задрезжал.

– Совершенно возмутительное! – поддержал ее Магнус, однако степень абсурдности счел за благо не обсуждать.

– Все имущество, доставшееся епископу как приданое, в случае его кончины вернется ко мне, – добавила Юлфа уже спокойно.

– Заблуждаетесь! – Игумен Кай нагло плюхнулся на стул напротив Юлфы и Магнуса и потянулся за пирогом. – В законе сказано, что «жена наследует состояние покойного мужа, покуда есть надежда, что она продолжит свой род».

– А надежда есть, покуда эта жена жива, – упрямо сказала Юлфа. – Да, женщины из рода Ледяных Лордов часто бывают бесплодны, но надежда остается всегда. Скажи ему, Магнус. Скажи как врач!

Доктор Магнус молчал, уставившись в стол.

– Магнус! Ты же говорил про надежду! Я пью лекарство! Ты говорил: надеяться стоит!

– Раньше – да, – не смея поднять на нее глаза, отозвался Магнус. – Но теперь... когда закончились течки... детородная функция безвозвратно угасла.

– Таким образом, наследование будет по мужской линии, – весьма довольный таким ответом, заключил Кай. – Все достанется доктору Магнусу и его сыну. Если вы овдовеете, госпожа Юлфа, вам придется освободить помещение.

– То, что вы говорите, недопустимо! – Доктор Магнус постарался добавить в свой голос, и без того довольно высокий, гневный металлический звон, но в итоге просто сорвался на визг. – Если Господу будет угодно забрать к себе моего любимого брата, я позволю его вдове оставаться в поместье сколько угодно. Тем не менее все мы верим, что этого не случится! Я молюсь, чтобы Сванур скорее выздоровел! А вы, пастырь, вместо того чтобы раньше времени его хоронить, разберитесь с бездушной ведьмой, от которой все наши беды! Для начала ее нужно казнить – глядишь, мой брат и поправится! Если, конечно, к тому моменту симптомы его будут обратимы.

Кай откусил кусок пирога.

– Хорошо, что вы заговорили про симптомы, дорогой доктор! – сказал он, чавкая. – Вчера в церкви, когда епископ возводил меня в сан, я заметил у него симптомы острого обезвоживания. Состояние кожных покровов, глаз, языка – все

говорит о невозполнимой потере жидкости.

– Это следствие насланной ведьмой холеры, – ответил Магнус. – Юлфа, отрежь мне, пожалуйста, еще пирога.

– Но, однако же, у епископа проявления ярче, чем у других, согласитесь, доктор? Не является ли обезвоживание следствием отказа епископа от воды?

– Он пьет молоко, а не зараженную воду.

– Как вам кажется, доктор Магнус, и вам, дорогая Юлфа, не отказывается ли епископ от воды и еды, потребляя лишь молоко из груди служанки, потому что опасается яда? Не могла ли ему прийти такая фантазия, что его отравляет кто-нибудь из домашних?

– Как вы смеете... – Рука Юлфы с кухонным ножом, принесенным над пирогом, затряслась.

– Успокойся, дорогая. – Доктор Магнус забрал у нее нож и сам отрезал себе пирог. – Вам должно быть стыдно за эти намеки, пастырь. И я вижу – вам стыдно. Вы даже покраснели. Да, конечно, мой брат опасается. Но не домашних – а ведьмы.

– Сожалею, если мои вопросы вас оскорбили. Тем не менее мой долг инквизитора – расспросить обо всем, ибо Зло коварно и хитроумно, а дьявол вечно ищет способ сожрать нашу душу. Так сказано в «Магме ведьм».

Его долг инквизитора. Порченный выскочка! Откуда в нем столько наглости?

– А мой долг – облегчать страдания. – Доктор Магнус под-

нялся из-за стола. – Мне пора навестить больных.

– Да, и кстати о больных. Вы ведете статистику, доктор? Это правда, что от порчи страдают именно те, в чьих домах имелись ведьмины платья?

– Именно так.

– Наблюдаете ли вы улучшения у больных после сожжения платьев?

– Есть две дамы, которые сначала спрятали свои небесновидные платья, но потом наряды у них нашли, отобрали и сожгли по всем правилам. У одной из этих дам есть положительная динамика.

– А у прочих пациентов нет улучшений?

– К сожалению, нет.

– Чем вы это объясняете, доктор?

– Тем, что ведьма еще жива.

Кай кивнул и перевел взгляд на Юлфу:

– Сколько было небесновидных платьев у вас?

– Семь, – ответила Юлфа, мрачно таращась игумену в переносицу.

– И сколько из них сожжены?

– Семь, – сказала она хриплым голосом и поморщилась, будто проглотила что-то гнилое.

Если Магнус заметил в ней эту гниль, то заметит и инквизитор. Нужно было скорей уходить. Доктор вежливо откланялся и направился к выходу. Он чувствовал на своем затылке тяжелый взгляд Юлфы. Когда Сванур умрет, придется

теперь действительно позволить ей остаться в поместье. Вот ведь черт его дернул дать обещание при слугителе Церкви! Но уж спальню ей точно придется освободить. Пусть живет, если хочет, во флигеле для гостей. Там, куда она сейчас поселила этого порченого игумена-выскочку.

Ему снится небо – чистое, лазурное, ясное. Небо, которое невозможно.

С невозможного неба падает снег – белый, как осыпающийся цвет яблони. Белый, каким он был при сотворении мира и каким должен стать в конце.

А по белому снегу к нему скачет диковинный зверь. У него не шесть ног, как у мура, а только четыре. У него человеческие глаза и женские волосы.

И верхом на звере является женщина. Ее тело обнажено, а лицо сокрыто под волосами.

Она сходит со зверя. Из груди ее сочится небесновидное молоко. Зачарованный, он приникает к соску и пьет, и тогда понимает, что небесная синь – это яд. И что ясное небо – не от Бога, а от его Злого Брата. И что женщина – ведьма.

Он пытается отстраниться, отпрянуть, но она оплетает его волосами и душит. Ее волосы – как нити мурского шелка, в которые вплетены цветы яблони. Он вдыхает аромат гнилых яблок. Он задыхается. За его спиной звучит голос:

– Не спите лицом в подушку...

...Епископ проснулся, хватая ртом воздух. Вышитая на наволочке цветущая яблоня намокла от пота. Губы слиплись и запеклись, во рту пересохло, словно Сванур потратил последнюю влагу, чтобы оросить эту яблоню. Он приподнял голову и тяжело повернулся. У изголовья в свете свечи сидел Кай.

– Уткнувшись в подушку, вы перекрываете доступ кислорода, владыка. Лучше спать на спине.

– Ведьма уже казнена? – просипел епископ.

– Нет, владыка. Я еще не закончил свое расследование.

– «Свое» расследование?! Не смейся людей. Ты – никто.

– Я – игумен Кай из рода Пришедших по Воде, благословенный на служение в Святой Инквизиции.

– Ты игумен, потому что я сделал тебя игуменом! Ты благословлен, потому что я... – епископ закашлялся, – тебя... благо... словил!..

– Сделанного не воротишь, владыка. Я тот, кем вы меня сделали, и я должен следовать протоколу, который вы сами же описали в опусе «Магма ведьм». Там говорится, что инквизитор обязан провести расследование самостоятельно.

– Что ты делаешь в моей комнате?

– Хочу задать вам пару вопросов.

– Поди прочь, порченный.

– Вероятно, из-за болезни вы немного запутались. Меня следует называть «пастырем», а не «порченным». Я действительно был осквернен во чреве матери бездушным близнецом-братом, но его уничтожили и похоронили по всем правилам Церкви, а я сразу после рождения прошел обряд очищения. В дальнейшем я ни разу не осквернялся. Если кто из нас двоих порченный – то вовсе не я, владыка.

– Что ты несешь?! – хрипло выкрикнул Сванур.

Огненная шевелюра игумена Кая закачалась перед глазами епископа, как костер на ветру. Стены комнаты тронулись с места и поплыли ярмарочной каруселью. Не следовало тратить силы на этот крик.

– Кто сношается с ведьмой, тот осквернен и испорчен, – спокойно пояснил Кай. – Так сказано в «Магме ведьм». Если Анна – ведьма, получается, вы испорчены. Вы ведь с ней сношались, не так ли?

Епископ прикрыл глаза. Этот кальдерец не просто нагл, он еще и опасен. Мгновенно нащупал его слабое место.

– Это было до того, как она скормила дьяволу свою душу, – тихо произнес Сванур. – Когда Анна стала ведьмой, я от нее отвратился.

– Расскажите, как и когда вы распознали в ней ведьму? Пожалуйста, сотрудничайте, владыка. Это в ваших интересах. Чем быстрее я во всем разберусь, тем быстрее зло будет наказано.

Сванур облизнул растрескавшиеся губы и попытался оце-

нить расстановку сил. Кальдерец не оставит его в покое. Епископ мог кликнуть служанку, чтобы та привела старосту Чена. Чен прогонит Кая из комнаты, но это ничего не решит. Кай упрям и цепок, он вернется и снова станет донимать своими вопросами. Может, и правда стоит сейчас с ним поговорить? В конце концов, кальдерец действительно следует протоколу, который он, епископ, сам же и разработал.

– Прошлым летом я шел мимо Кладбища бездушных и увидел там Анну, – тихо и ровно, стараясь экономить дыхание, сказал Сванур. – От нее исходил запах течки, хотя течка бывает только зимой. Я подошел к ней и приподнял подол ее платья...

– Вы хотели совокупиться с Анной, хотя знали, что течка в несезон бывает только у ведьм?

Осторожно. С этим порченным надо действовать осторожно. Слишком тонкий лед. Нет сил ходить по тонкому льду...

– Я не хотел с ней совокупляться, – соврал епископ. – Я хотел удостовериться в своей правоте. Ощупать ее промежуток на предмет течки. Но Анна вдруг стала сопротивляться.

– Что значит – сопротивляться?

– Она вырывалась, царапалась и брыкалась.

– Может быть, она решила, что вы хотите ею овладеть?

– А хоть бы и решила. Безродные не имеют права сопротивляться, даже если они сухие. А она вела себя так, будто ею овладел сам дьявол. Так я понял, что она ведьма.

– Что вы сделали?

– Поднял камень и ударил ее в лицо. Рассек ей губы и бровь.

– Вы избili женщину камнем?

– Не женщину. Ведьму.

– Что было дальше, владыка?

Голос Кая звучал бесстрастно, но Свануру показалось, что в глазах игумена мелькнуло неодобрение. Да, похоже, этот наглец его осуждает. Тонкий лед. Но свидетелей не было. Кай ничего не докажет. Даже если она и призналась, что Сванур ею овладел. Слово ведьмы против слова епископа. Никто не докажет, что он осквернился с ведьмой.

– Дальше Анна убежала, а я отправился в церковь и там молился. Тем же вечером, по дороге домой, я встретил ее еще раз. Ее раны полностью зажили, исчезли с лица бесследно. Очень быстрая регенерация. Признак бездушия. Признак ведьмы.

– Вы казнили порожденное Анной чудовище. Саму Анну ударили камнем и обличили как ведьму. Это веские причины для ненависти и мести. У кого-то еще, кроме Анны, есть причины вас ненавидеть, владыка?

– Больше ни у кого.

– Почему к вам не заходит жена?

Сванур хотел ответить, что Юлфа тоже страдает из-за ведьминой порчи, но грудь внезапно пронзило болью и что-то заколотилось в горле, в ногах, в спине. Словно сердце Сва-

нура упало, и покатилося, и рассыпалось пульсирующими осколками по всему телу. Он хотел позвать брата, но язык, сухой и шершавый, как застывший кусочек лавы, прикипел к небу.

– Лея! – крикнул игумен Кай. – Срочно дай епископу пить!

Служанка спешно вбежала в опочивальню, на ходу обнажая грудь.

– Нет, неси кипяченую воду!

– Епископ не велел давать ему воду...

– А я – велю! – скомандовал Кай.

Сванур тихо застонал и с трудом мотнул головой. Ни за что. Никакой воды. Вода отравлена ведьмой...

Кай приподнял его голову и влил в запекшийся рот глоток воды из кувшина, принесенного Леей. Потом еще один. И еще. Отбиваться у Сванура не было сил. Даже выплюнуть толком не получилось.

– У него обезвоживание. Ты должна давать ему воду. Не только грудь, – очень громко и четко, словно она была глухой или слабоумной, сказал служанке игумен. – И смени ему наволочку! Она грязная и воняет.

Лея в ужасе затрясла головой:

– Не могу! Не могу сменить! Госпожа Юлфа меня накажет! Госпожа строго-настрого запретила прикасаться к его подушке!

– Почему же?

Голос игумена звучал вкрадчиво, почти нежно, и служанка чуть успокоилась.

– Из-за вышивки, которую госпожа своими руками сделала к свадьбе. Госпожа говорит, эта наволочка – на счастье.

– Вот как, значит. На счастье... – Кай мечтательно улыбнулся и вернул служанке кувшин.

Потом резко выхватил подушку из-под головы Сванура. Попытался сдернуть наволочку, убедился, что сбоку она зашита, рванул руками ветхую ткань. Вместе с высушенными водорослями, которыми была набита подушка, на пол вывалились небесновидное платье и подгнившее яблоко.

Лея взвизгнула, попятилась и выронила кувшин. Глиняные осколки разлетелись по комнате. Сванур вжался в стену и попытался осенить себя святым кругом, но руки его не слушались.

Кай поднял платье, стряхнул с него осколки и водоросли, восхищенно поднес к глазам. Провел рукой по небесновидной шелковой ткани:

– Это платье госпожи Юлфы?

Служанка Лея закивала и зажала руками рот – как будто боялась выпустить наружу слова.

– Это платье Юлфы, – слабым голосом подтвердил Сванур; перед глазами его плыли темные пятна, заслоняя, как грозовые тучи, небесновидную ткань. – Моя жена меня предала.

12

Кай выкопал из черного снега бидон с ведьминым молоком и вернулся к себе во флигель. Срезал с яблока гнилой бок, очистил от кожицы, растер мякоть, поместил кашицу в тончайший платок из мурского шелка и завязал в узелок. Потом открыл бидон и выжал из узелка в молоко весь яблочный сок до капли.

– Прости меня, Господи! – Кай осенил себя святым кругом и приник губами к позолоте оловянного плода, дарованного ему при возведении в сан. – Я надругался над живым яблоком, я содрал с него кожу и выжал из него сок, но я совершил этот грех ради спасения жизни!

Кай снова поцеловал искусственный позолоченный плод и наклонился над тазом, в котором уже несколько часов вымачивал небесновидное платье. Довольно хмыкнул: вода, как он и рассчитывал, окрасилась голубым. Кай перелил небесновидную жидкость в пустой кувшин и почувствовал волну дурноты. Он отдышался и в третий раз поднес к губам искусственный плод:

– Храни меня, Господи, от всякого зла, и от порчи, и от бездушия, и от яда.

* * *

– Мне снова нужна личинка.

– Сегодня-то зачем, пастырь?

– Затем же, что и вчера. Для следственного эксперимента.

– Опять поить ее будешь ведьминым молоком? – Стремянный хмуро уставился на кувшин и бидон, стоявшие у ног Кая.

– Не молоком. – Кай поднял кувшин и продемонстрировал Виктору бледно-небесновидное содержимое.

Стремянный отпрянул:

– Что это?

– Возможно, яд, – спокойно ответил Кай.

– Вчера испорченное ведьмино молоко, сегодня, возможно, яд, – мрачно процедил Виктор. – Так я личинок, пастырь, на твои эксперименты не напасусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.